

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

**№ 2
(1109)**

ИЗДАЕТСЯ С 1945 ГОДА

**Святослав
СПАССКИЙ**

**В ДУХЕ
АГАТЫ КРИСТИ**

Рисунки автора

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1991**

ГИРЯ

Маленький научно-фантастический роман

1.

Игнатов очутился в Больших Енотах впервые. Ревизор Главклейуправления, он был послан на проверку финансовой деятельности местного клеевого завода.

Командировка была пустяковая, за два дня Игнатов с делами справился и теперь коротал летний вечер, бездумно и раскованно гуляя по городу. Большие Еноты чрезвычайно нравились ему обилием деревянных феодальных домишек, кривобоких огородиков, большеглазых кошек, венчающих тесовые ворота. Центральная площадь, вся в помпезных официальных зданиях, напичканных местными функционерами, от райкома до правления Общества Красного Креста и Полумесяца, была скудно заасфальтирована, зато во все стороны от нее разбегались расчудесные корявые улицы, уставленные лохматыми тополями и мощенные настоящим дореволюционным булыжником. Не хватало лишь ломовых извозчиков — их тут, как и во всей нашей стране, заменили серые, запыленные «КаМАЗы».

Впрочем, в этот лирично-закатный час машин было мало. Город облепила чрезвычайная тишина, как на экзаменах, только вдали, в туманной низине за клеевым заводом, кричали — не поймешь — то ли утки, то ли лягушки, да изредка из-за штакетника нечленораздельно выражалось чье-то подвыпившее мурло. Боженька включил на небосводе первые бледные звезды.

Вдруг, отшвырнув тишину, немыслимый кузнечный грохот и звон обрушились на Игнатова. Он завертел головой, ожидая встречи по крайней мере с эскадрой Медных всадников, однако из-за угла вывалился обычный грузовичок, от которого и исходил этот безумный грохот. Грузовичок пронесся мимо. Тут какой-то предмет отделился от него и, продолжая громохат, угрожающе, как бомба террориста, подкатился к самым ногам Игнатова.

Машина облегченно растворилась в сизых сумерках. Игнатов вгляделся в предмет. Это была круглая гиря с обрывком веревки на ручке. Игнатов гирию потрогал, приподнял. На мгновение ему показалось, что держит живое существо — поверхность гири на ощупь была теплой.

Скорее всего местные юные лоботрясы привязали гирию к машине, чтобы насладиться какофонией звуков, и своего достигли. И неудивительно, что металл нагрелся: он бы, вероятно, в дальнейшем раскалился добела, только вот не выдержала веревка.

И все равно Игнатова не покидало ощущение одушевленности гири. Он почувствовал к ней легкую отцовскую жалость.

Опустив гирию на землю (тяжелая, килограммов пятнадцать будет), он присел на корточки, погладил ее по крутому шершавому боку и спросил:

— Что это ты на ночь глядя шалберничаешь? Не стыдно? А где твой дом?

Гиря отрешенно молчала. Игнатов вздохнул и собрался уходить. Но пронзительная одинокость гири не давала ему покоя. Он отвязал обрывок веревки и снова погладил гирию, как приبلудную собаку:

— Что ж будем делать-то, а?

И тут он вспомнил своего непосредственного начальника генфина Тимошина. Отправляя Игнатова в очередную командировку, Тимошин всегда чуть заискивающе просил:

— Ты там, Игнатов, посмотри, может, чего интересного подвернется... Страсть люблю необычные сувениры, местные изделия. В смысле денежных затрат не беспокойся, я рассчитаюсь, если что.

И Игнатов привозил ему: из Кирова — дымковских коников, из Гомеля — стеклянных чертей, деревянные ложки из Рязани, берестяные тески с Псковщины. Тимошин радовался, как дитя, восторженно благодарил.

— Ну-ка, привезу я Тимошину большеенотскую гирию, — подумал вслух Игнатов. — Чем не сувенир? Тяжело, правда.

Но всего-то вещей у него — молодого и сильного — было: кошелек да полупустой командировочный портфель. Гиря в этот портфель поместилась бы запросто. Ну, так как?

Игнатов решился. Подхватив гирию, он ровным солдатским шагом направился к гостинице.

2.

На обратном пути в Москву случился инцидент.

Игнатову досталось пустое купе. Поскучав, посидел он у окошка, затем переоделся в спортивное и приготовился было вспорхнуть на верхнюю полку, покемарить, но тут поезд подкатил к большой станции и в купе ввалились двое — тоже с портфелями, тоже, видать, из племена командированных. Вежливо-бегло поприветствовав Игнатова, они, не теряя времени, повытаскивали из портфелей духовитую снедь и большую — ноль семьсот пятьдесят — черную бутылку коньяку.

— С нами, — пригласил один из спутников, в очках, подпертых румяными щечками.

— Ничего, спасибо, я полежу, — ответил, согласно ритуалу, Игнатов и поднялся, снова готовый взлететь на полку. — А вы располагайтесь, двигайтесь к столику, пожалуйста.

Он с удовольствием присоединился бы к компании, да и чувствовал, что в конце концов присоединится, но правила приличия требовалось соблюсти.

— Не из вежливости вас зовем, а в силу необходимости, — пояснил второй, помоложе, но и полысее румяного. — На двоих такая сударыня великовата, — он показал на бутылку, — а ведь, начав, не остановишься. Значит, в столицу нашей родины уставшими прибудем. А вы поможете — и все о'кей будет, норму соблюдаем.

— Ну, разве что так, — заулыбался Игнатов, — тогда что ж... К сожалению, ничего от себя предложить не могу. В смысле закуски.

— А вам — мало? — спросил тот, что помоложе, кивнув на достаточно обильный стол. — Помидорчики, огурчики, колбаса. Пирожков вот на вокзале досталось. Вы что — обжора?

— Неудобно просто, — объяснил Игнатов.

— А-а! А завтра мы в вашем положении окажемся, — успокоительно сказал очкастый. — Не при карточной системе живем, шелуха все это. Давайте. Давай, Ян.

Ян — который помоложе, но лысее — отвинтил колпачок бутылки, расставил стаканы.

И тут поезд рывком тронулся со станции. Все качнулись, а с верхней полки свалился портфель Игнатова и обрушился на столик. Поскольку недра портфеля скрывали сувенир для генфина, «сударыня» разлетелась ко всем чертям. Вдребезги.

Спутники, играя желваками на скулах, счищали с мокрых брюк блестящие стекла. Багровый Игнатов жалко извинялся.

— Что у вас там в портфеле? — сухо спросил Ян. — Кирпичи? Золотой слиток?

— Гирия.

— Как гирия? Зачем?

Игнатов не успел придумать что-нибудь убедительное и честно сказал:

— Просто гирия. Везу для одного товарища, в подарок.

— Пойдем, Саня, покурим, — сказал Ян. — Откройте окно, а то за ночь коньячным духом насквозь пропитаемся. Жены на порог не пустят. Краем уха Игнатов услышал реплику Яна из коридора:

— Чокнутый, что ли? Ему бы по кумполу лучше гирей-то этой... Игнатов, все еще пылая, залез на полку и притворился спящим. «Действительно, обалдуй с гирей», — подумал он.

В Москве расстались, не попрощавшись. Коньяком ни от кого не пахло. Жены пустят.

3.

А Игнатов жил один. Жены у него не было.

То есть была, но раньше. Звали Светой. Она ушла к молодому талантливому не то стоматологу, не то терапевту. Однокомнатную квартиру оставила Игнатову: у терапевта своя была, двухкомнатная. Ему она

досталась от первоначальной жены, которая уехала с полюбившимся ей подполковником в энский военный округ.

Субботним радостным утром Игнатов притащился со своей гирей домой, умылся, интеллигентно сварил себе черного кофе и только потом вытащил гирю из портфеля и впервые внимательно изучил ее: вся грязно-ржавая, дарить такую генфину — значит нажить себе врага. Он спустился во двор к кооперативным гаражам и у знакомого автомобилиста Тарасевича выпросил два литра керосина в жестяной банке из-под венгерского повидла.

Гиря отмокала в повидловой банке сутки. После этого Игнатов высушил ее и долго драил шкуркой, пока не достиг ровного тусклого блеска. И самое главное: отчистились и стали читаемы выпуклые слова:

ОДИНЪ ПУДЪ

Чугунное литье бр. ФОХТЪ

Мытищи 1888 годъ

«Ого! — внутренне восхитился Игнатов. — Это ж реликвия. Это ж, возможно, историческая ценность. Вот вам и обалдуй с гирей!»

Тут же он решил гирю Тимошину не дарить: обойдется.

В понедельник Игнатов, оставив гирю на тумбочке возле зеркала в прихожей, отправился в Главклей — на работу.

На работе он никому не рассказал о своем ценном приобретении: за чем возбуждать ненужную зависть, а в обеденный перерыв, когда отдел, топоча, бросился в столовую за борщом московским и котлетами датскими, прочно уселся в кресле и отыскал в позапрошлогоднем телефонном справочнике номер Исторического музея.

Ученого секретаря на месте не оказалось, пришлось вести переговоры с рядовой сотрудницей, писклявой и тощей особой лет так двадцати шести — двадцати семи (выводы по поводу ее комплекции и возраста Игнатов сделал на основе именно пронзительности и пискливости слышаемого им голоса).

Эта крайне несимпатичная особа напрочь отказалась от гири, самоуверенно заявив, что исторической ценностью тут и не пахнет, а музейные запасники и так забиты барахлом до потолка. Так и сказала — «барахлом», это музейный-то работник.

«Потому в музеях и тоска одна, — подумал Игнатов. — Разве такие вот могут душевную экспозицию развернуть...»

Он бросил трубку и задумался. Потом яростно накрутил номер другого музея — Истории и реконструкции Москвы.

— С твердыми знаками надпись! — убеждал он новую музейную собеседницу. — Бр. Фохт! Столетняя гиря, уникальная.

Но и тут он получил быстрый и ясный отказ.

— Гиря областного производства, — сказали ему. — Нас Москва интересуе...

Домой Игнатов пришел поздно и в настроении: с друзьями после работы обмыл возвращение из командировки.

Дома он проникновенно сказал гире:

— Не нужна ты, дочка, никому. Зря только мучался с тобой. По тебе один лишь Вторчермет скучает...

Ночью случилось необъяснимое: встав по необходимости, Игнатов больно споткнулся о гирю, лежавшую почему-то в дверях комнаты. Он включил свет и, шипя, поскакал в ванную — поддержать босую ногу под струей холодной воды, затем, прихрамывая, вернулся к гире — дивиться.

«Ну не пьян же я был вчера, — суматошно думал он, — и не дотрагивался до этой железки, только сказал ей пару слов. Что ж она, сама, что ли, прикатилась?»

Он осмотрел засов у входной двери. В порядке был засов.

4.

Так вот и началась чертовщина. Гиря как бы незримо путешествовала по квартире. Иногда, возвращаясь домой, Игнатов с трудом открывал дверь, преодолевая сопротивление навалившейся изнутри гири. Она оказывалась то на нижней полке книжного шкафа (причем на месте выкинутых ею же, вероятно, книжек), то на кушетке, под подушкой (кровать Света переправила к своему талантливому стоматологу-терапевту, а Игнатову для снажья оставила кушетку).

Игнатов серьезно забеспокоился, временно перестал выпивать и возобновил утреннюю зарядку. Попытался привлечь к занятиям гирю, но она с первого же раза как-то ловко вывернулась из его рук и шмякнулась на коврик, по пути ощутимо ударив Игнатова по коленке. Он взвыл и оставил ее в покое.

Когда же гиря в отсутствие хозяина произвела значительную вмятину в дверце холодильника (холодильник Света оставила, у стоматолога был свой «Розенлеф», который бравый подполковник отказался везти в энский округ по причине его нетранспортабельности), Игнатов решил расстаться с мытищинской реликвией. Поздно ночью он прокрался на лестничную площадку, держа гирю на отлете, как нашкодившего кота, и бухнул ее в мусоропровод.

Атомный взрыв раскатился по всем девяти этажам, залаяло великое множество домашних декоративных собак, жильцы проснулись с колотящимися сердцами и долго прислушивались, сидя в нагретых постелях. Игнатов же пробежал счастливой неслышной рысью в свою обитель, свернулся калачиком на кушетке и заснул спокойным ясельным сном.

А наутро, открыв балконную дверь, чтобы выдуть волос из электробритвы, он опешил: на балконе, как ни в чем ни бывало, расположилась гиря, поблескивая мокрым боком. Ручку ее обвивала извилистая лента картофельной шелухи, прицепившаяся, видно, еще в мусоропроводе.

— Ну, входи, раз так, — мрачно произнес Игнатов, выбросил шелуху

во двор (кто-то снизу отреагировал крепким словом), а саму гирию втащил в комнату. — Ладно, погости еще, а там увидим.

Он намеренно сказал «погости», чтобы гиря не рассчитывала, что он смиритсЯ и пропишет ее навсегда в своем сердце и доме.

На работе он делом не занимался, игнорируя укоризненные замечания непосредственного начальника Тимошина, а составлял текст объявления. К обеденному перерыву текст был готов:

**ПРОДАЕТСЯ ГИРЯ
ПО СЛУЧАЮ, ДЕШЕВО
СТАРИННАЯ, ПУД (16 кг)
НЕЗАМЕНИМА ДЛЯ ТЯЖЕЛОАТЛЕТОВ,
РАБОТНИКОВ ГОСЦИРКА И ЗАСОЛКИ КАПУСТЫ**

С этим объявлением он поехал на Пресню, в редакцию рекламного приложения «Вечерки». Пожилая дама-приемщица, прочитав текст, выкатила на Игнатова изумленные глаза цвета океанского прибоя:

— Да вы что — гиря? Мы такие объявления не печатаем.

— Почему это? — сварливо сказал Игнатов. — Какая разница, кто что продает. Рояль или дачу — можно, а гирию — нельзя? Учтите — старинная.

— Мало ли старинных вещей. Мы учитываем спрос. Сейчас спрос на дачи, миттель-шнауцеров, скейты. На рояли тоже, да. А гирями никто не интересуется.

— Они ж не знают. Вы напечатайте — они и заинтересуются.

— Мелочь это, поймите. Вы — гирию, другой топор захочет продать, еще кто-то — дверную ручку. У нас же, извините, не барахолка.

— Куда ж мне ее? А в комиссионный не примут, как вы думаете?

— Не знаю, не знаю, — нервно сказала дама. — Прошу вас, отойдите, не мешайте работать. Зачем вам ее продавать? Солите капусту — незаменима же для капусты, сами пейшете.

Игнатов ушел из редакции и тут же, на площади торжественного имени 1905 года, сунулся в будку Мосгорсправки. В будке восседал тучный справочный агент пенсионного возраста, внешне напоминающий сенбернара.

— Сынок, — сказал тучный справочник, — тебе не стыдно?

— Чего же мне стыдиться? — сказал Игнатов. — Я ее не украл, гирию.

— Объявления — это определенным образом лицо города, — пояснил справочник, — они отражают его духовную жизнь. А город-то — герой! Понял? Иностранец твое объявление прочтет — что подумает о москвичах, а?

— А что иностранец? Как раз иностранец, может, и купит, — сказал Игнатов. — Где-нибудь в Кордильерах такая гиря — экзотика. Представляете: один пуд, Мытишчи...

Тут справочный агент и вовсе стал похож на сенбернара. Он сморщил нос и густо залаял на Игнатова:

— Валютную операцию вздумал прокрутить! Государственный культурный фонд сплавляешь за границу! Фарцовщик растреклятый! Ша милицию кликну!

Он высунулся из будки и крикнул на всю площадь:

— Гришаня! Сержант! Дуй ко мне! Сыми токо пистолет с предохранителя!

Неведомая пружина отбросила Игнатова в пасть станции метро, а сенбернар раскатисто захохотал ему вслед.

5.

Гиря, видно, каким-то потусторонним способом узнавала о попытках Игнатова освободиться от нее, потому что вела себя чем дальше, тем хуже. Как только Игнатов уходил на работу, она принималась прыгать по квартире. Глухие удары разносились по всей девятиэтажке. Начались жуткие перепалки с соседями, звонки из ДЭЗа, визиты участкового, акты всевозможных комиссий и протоколы товарищеских судов.

Всех особенно бесило то, что Игнатов и не пытался оправдываться, а просто молча выслушивал обвинения. Он был бы рад объяснить, а только кто поверит?

И последнюю попытку сделал Игнатов — отвез гирю в деревню к бабушке. Деревня располагалась далеко: от Можайска еще километров двадцать пять на автобусе, а потом пешком сорок минут.

Старушка обрадовалась редкому гостю, напекла в его честь поджаристых крендельков. Крендельки Игнатов съел с удовольствием, а гирю тайком подбросил в бабкин огород, под жирные лопухи.

Он вернулся домой в одиннадцать вечера, а уже в первом часу ночи гиря гулко ударила в балконную дверь.

— Не пуцу! — истерически закричал Игнатов. — Мерзни там, паршивка! Я знаю — ты и коньяк тогда, в поезде, нарочно разбила!

В ответ гиря, разбежавшись, шандарахнула так, что на балконной двери лопнуло стекло. Сверху, снизу и с боков азартно замитинговали разбуженные соседи.

Игнатов быстро и решительно оделся, сунул гирю в портфель и вышел на ночную улицу. Тут же неправдоподобно подвернулось пустое такси.

— Серебряный бор! — кратко приказал он водителю.

На берегу реки Игнатов отпустил машину, а сам неторопливо разделся до трусов. Потом он вытащил из брюк ремень, сделал петлю, конец ремня привязал к гире, а петлю затянул на шею. Держа гирю обеими руками, он зябко вошел в темную воду. Когда вода дошла ему до подбородка, он зажмурился, сильно оттолкнулся ногами от дна и нырнул вглубь вниз головой.

...Неведомая сила потянула Игнатова вверх. Он раскрыл глаза: гиря

воздушным шариком плясала на поверхности воды у самого его лица. Ремень глупо и настойчиво лез в рот.

— Врешь, потонешь! — с ненавистью закричал Игнатов.

Он рванул гирю вниз.

Она же не давалась, как будто была сделана из пенопласта. Вода не принимала эту дьявольскую гирю, упорно выталкивала ее.

Тогда он ослабил петлю и снял ее с головы. Гирю подхватило и понесло течение.

Стоя по шею в воде, Игнатов тупо смотрел на свою быстро удаляющуюся мучительницу. Луна освещала ее круглый блестящий бок.

Змейкой вилял тянущийся вслед за гирей брючный ремень.

Минут через пять гиря скрылась за поворотом.

Не веря глазам, Игнатов, пятясь, вышел на берег.

— Неужели насовсем? — сказал он тихо.

Да, он знал, чувствовал интуитивно, что на этот раз — насовсем.

И надо же: он ощутил вместо радости освобождения щемящую боль утраты...

Впрочем, это продолжалось недолго.

Озираясь, он снял и выжал трусы, оделся, машинально причесал мокрые волосы. Потом, придерживая спадающие брюки, пошел к освещенным кварталам — ловить мотор.

ПОИСК

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ИНСПЕКТОРА ЛОСОСЕВА

Малогабаритный, но достаточно увлекательный детектив

1.

Наш дед был мрачен. Я это определил сразу: в мрачном настроении он потирает шрам на левой скуле — след от кистеня Петьки Мохнатого, самого знаменитого в свое время медвежатника из Марьиной Рощи.

Итак, потирая память о Петьке, он покосился на толстую папку с ботиночными тесемочками, которую я аккуратно положил на край его блистательного стола:

— Что это еще?

— Дело Первопечатника.

Первопечатник — а в миру он пользовался паспортом на имя Быстробогатова Льва Григорьевича, и у меня никогда не было стопроцентной уверенности, что так его звали сызмальства, — был известен в определенных довольно узких кругах тем, что великолепно подделывал печатный текст. Он досконально знал десятки гарнитур шрифта, мог воспроизве-

сти любые билеты, талоны, пропуска. Правда, печати и резиновые штампы он никогда не подделывал. И фальшивомонетчиком не был, денег не рисовал. Попался он на банных билетах — спекулировал ими в проулке на задах Центральных мужских бань. Вернее, менял эти билеты на мыло. А мыло пересылал своей незарегистрированной подружке Лялке в Сызрань, и та уж распродала его по договорным ценам.

— А что там с Первопечатником?

— Все. Закончил. Передаю в прокуратуру.

— Ну и передавай, а мне-то что принес? Думаешь, читать буду? Я промолчал. А что говорить? Дед сам прекрасно знал, что он должен завизировать дело. Нет, просто ему хотелось сорвать свою досаду.

— Вьон на свободе, займешься им немедленно.

— Как на свободе?

— Так, — хмуро сказал дед, жуя мундштук папиросы. — Сбежал, вот и весь сказ.

Да, Вьон. Этот Вьон был молодой рецидивист — взломщик дач состоятельных владельцев — профессуры, космонавтов, генералитета, рубщиков мяса. Но известен был Вьон не столько своими набегами на престижные обители — кто нынче этим не занимается? — сколько побегами. Он сбегал уже четыре раза за последнюю пятилетку. В последний раз он использовал против конвоя популярное детское заклинание: «Открой рот, закрой глаза». Конвоиры, честно зажмурившись и раскрыв рты, прождали три минуты, а когда догадались возвратиться к уставной позиции, было уже поздно. Вьюна поминай как звали. Исчез.

И вот — опять...

— Где? — спросил я.

— В Больших Енотах. Летишь туда сейчас же. Вопросов, надеюсь, не будет?

— Хорошо, — сказал я. — В буфет только спущусь за сигаретами.

— Нет, — возразил наш железобетонный дед. — Машина у подъезда. Самолет вылетает через сорок три минуты, следующий рейс послезавтра. Послезавтра ехать — это все равно, что совсем не ехать. Сигареты купишь на месте, в Больших Енотах.

— В Больших Енотах наверняка «Приму» не достанешь. Дефицит.

— Лососев, это мне начинает надоедать. Хорошо, иди в буфет за своей «Примой», а я отправляюсь в Большие Еноты — ловить Вьюна. Договорились?

Я откозырнул назло нашему вредному деду, поскольку был в штатском и без головного убора.

2.

Начальник Большеенотского райотдела милиции Евлампий Александрович Колотун был постарше меня и по возрасту — лет на пять — и по званию — на одну звездочку. Но оказывал мне внимание по меньшей ме-

ре как полковнику. Еще бы: сыщик из центра, со спецзаданием... Он усердно тарасил на меня круглые бирюзовые глаза и слушал с преувеличенным вниманием, вроде бы даже подобострастно.

Впрочем, сказать-то мне было нечего. Я пока совершенно не представлял себе, что делать. Вернее — с чего начинать.

— Мы так думаем, — начал Колотун. — Он любимыми путями должен пробиваться в Москву. Здесь ему робить нечего, здесь его присандалим мхновенно. Самолеты отходят через день, с билетами напряженка: начало же отпускного сезона, народец расползается. И вообще, смекаю, самолетов он боится, знает, что шукать его будут не где-то, а допрежь всего в аэропорту. И вид для билета нужен.

— Какой вид? — спросил я.

— Паспорт, — пояснил один из присутствующих на совещании молодых помалкивавших сотрудников, откровенно любуясь своим начальником. А тот снисходительно улыбнулся и подтвердил:

— Паспорт. Вид — паспорт, значит. Но на всякий случай я послал туда одну дивчину. Она там под видом контроля билеты смотрит перед посадкой.

— У вас есть фотография Вьюна? — спросил я.

Я-то не успел захватить ее, этот чертов дед, а теперь мне было немного стыдно: мудрый сыщик из центра не имеет представления о внешности разыскиваемого...

Молодые сотрудники переглянулись, мне даже показалось, что они обменялись легкими улыбками. А Колотун тут же выхватил фотографию из ящика стола и, предупредительно встав, протянул ее мне.

— Не успел взять, — честно признался я. — Да что там — сигарет, и тех не успел купить на дорогу.

— Оперативность — ценный фактор, — произнес начальник отдела, то ли осуждая, то ли одобряя мою поспешность. Мне подумалось, что Евлампий Александрович не так прост, как кажется с первого взгляда.

Это была репродукция с любительского снимка. Вьюн широко улыбался, густая тень падала от его мальчишеской челки на лоб, большие красивые глаза его смотрели весело и непринужденно.

Я внимательно вглядывался в снимок. Колотун также склонился над ним.

— Да-а, — хмыкнув, протянул он. — Веселый рецидивистик. Ну-ка, догони...

— Значит, самолет в принципе отпадает, — резюмировал я. — Что же остается?

— Остается желдорлиния, а также и автомагистраль, — сказал один из сотрудников, Коля.

Я вопросительно посмотрел на Колотуна.

— Меры ж приняты, — успокоительно пробурчал Колотун. — Оповещены все посты ГАИ и железнодорожная милиция. Поезда вот уже второй день прочесывают наши люди.

— Вы недооцениваете Вьюна,— сказал я.— Это именно вьюн. Он умеет проскальзывать сквозь пальцы, растворяться. Непостижимый беглец. Один раз вот так же его искали во всех автомашинах, а он спокойно шел пешком по обочинке шоссе — сквозь все посты ГАИ.

— А предусмотрели ж,— сказал Колотун.— По всем сапожным мастерским предупреждения разослали. Должен же он где-то свои чоботы чинить? До Москвы добрая тыща верст.

Да, не прост был начальник ОВД, не прост! Его тактическим соображениям я не мог противопоставить ничего своего, оригинального. Изыскивая способ поддержать свое реноме, я подошел к крупномасштабной карте района, занимавшей простенок между окнами. Северная часть района даже немножко загибалась на потолок.

В самой середине карты подковообразно располагались Большие Еноты. В разные стороны от райцентра разбегались транспортные артерии. Все они были энергично перечеркнуты красным карандашом начальника, как убедительный знак того, что Вьюн не пройдет.

— А это что за спиралька такая? — спросил я.— Речка, что ли?

— Речка,— подтвердил второй из помалкивающих сотрудников по имени Денис.— Широкая Енотка. Так ее зовут, речку.

— Ее тоже блокировали?

Парни засмеялись:

— Она только так называется — Широкая. Ее енот вброд перейдет.

— Кстати,— поинтересовался я,— что это у вас сплошь одни какие-то еноты названия? Что, тут других достопримечательностей нет, кроме енотов?

— Енотов тоже нет,— ответил Колотун.— Кто их знает, бают, в древности водились. Потом их постепенно заменили енотовидные собаки. Потом — обычные собаки, собаководные. А названия остались, куда ж им деться? Из названия свитку ж не сошьешь. А речушка наша всамделе махонькая, на моторке с большим умением только пройдешь.

— А со мной из самолета выходила группа туристов с байдарками,— сказал я.

— Ну, может, это наши енотцы откуда прибыли. С Сибири, с Урала. Сейчас ведь модно. С соседями по лестнице незнакомы, а на Енисее все пороги облазят.

— Да нет, они новенькие были, в стиранных штормовках и без загара,— возразил я.— Значит, от вас поехали.

— По Енотке я сам ходил на байдарке не раз,— сказал Коля.— Пройти можно. Сначала трудновато, раза два-три обнос надо делать, а потом, после Енотовой пещеры,— славно. Там наша Енотка впадает в Енотицу.

— А Енотица куда впадает? — насторожился я.

— Дак она, известное дело, в Енотное водохранилище, а там по протоке — в Волгу.

— Прямо в Волгу?

— Ну. Прямо.

— Ну вот, — сказал я устало и с удовлетворением, — Евлампий Александрович, можете снять все заслоны и посты на дорогах. Вьюн не такой лопух, чтобы идти по проторенным тропам. Нет, не такой, смею вас заверить. Коля, дадите мне байдарку напрокат?

— Может, вместе пойдем? — спросил с надеждой Коля. — Она двухместная.

— Вместе не догоним, — возразил я. — Одному ходчей.

3.

Я послал телеграмму деду, чтобы продлил командировку еще на неделю, закупил сигарет (конечно, продавалась только «Астра») и черного ржаного хлеба. Разводить костры, варить всякие там каши и картошки не входило в мои расчеты: время не терпит. Хлеб можно было жевать на ходу, на ходу же запивая чудесной безмикробной еноткинской водой.

Я не взял ни палатки, ни надувного матраса, ничего вообще, что придало бы моей лодке излишний вес. Ночи стояли теплые, можно было спать прямо на земле. Пойдет дождик — тоже ничего страшного, высушем. Я не взял даже зубную щетку, мыло и полотенце. Облегчаться — так максимально. Суровые форменные ботинки заменил полукедами, одолженными у Дениса, — размер ног, слава богу, совпадал.

Шел я предельно ходко. Местность вокруг была безлесная, открытая. Ни ивняка, ни рогозовых зарослей. Если даже Вьюн заметит меня первым, ударить ему все равно некуда.

К вечеру следующего дня показалась сосновая рощица. Рядом я заметил костерок. Темнел силуэт палатки.

Я причалил за поворотом, метров за триста, и, крадучись, подошел к бивуаку.

Их там двое было у костра, мужчина и женщина. Лениво плескала волна в борт трехместной байдарки: Женщина сидела неподвижно, обхватив руками колени. Мужчина, как мне показалось, вел себя нервно, часто оглядывался на палатку, курил одну за другой сигареты.

Лица его разглядеть было почти невозможно: мрак сошел на землю, а костер уже затухал.

Интуитивно я чувствовал, что это Вьюн.

Я решил напасть на него неожиданно, сзади, используя свой любимый и отработанный прием — захват под подбородок с одновременной подсечкой ниже колен. Вот только женщина — она могла помешать. Если она сообщница Вьюна — а скорее всего это так, — то, конечно же, будет помогать не мне. Как назло, под ее рукой лежала компактная чугунная сковородка с ручкой. Пока я скручиваю Вьюна, подумалось мне, ей ничего не стоит врезать сковородкой по моей черепушке. Я бы на ее месте поступил именно так.

А если я ошибаюсь, и это не он, не Вьюн? Тогда женщина примет меня за обычного, заурядного бандита.

Так или иначе, близкого знакомства со сковородкой мне не избежать.

Скверно.

Тогда я решил подождать немножко, приглядеться к обстановке получше.

— Пойду посмотрю, как он там,— хрипло произнес мужчина.

— Ну, чего смотреть, спит,— ответила женщина.

— Перекупался, как бы не захворал.

— А ты кто — отец или дяденька проходящий? Надо было острóжить.

Мужчина вздохнул.

В палатке зашуршало, и я насторожился. Детский голос произнес:

— Пап, где ты там? Писать хочу, пап.

Мужчина на четвереньках, как большой неуклюжий зверь, полез в палатку.

Я в темноте почувствовал, что краснею, и возблагодарил судьбу, что не взял с собой Колю...

Позор.

4.

В следующие два дня я обогнал штук пять байдарок и две резиновые надувнушки. Теперь я уже не планировал немедленное нападение на встречаемых туристов, а спокойно и внимательно их рассматривал.

Вьюна среди них не было.

Енотица оказалась гораздо шире и полноводней Широкой Енотки, и я не удивился, встретив деловито тарахтящую против течения «казанку» с рыбадзором. Два ражих мужика в тельняшках и резиновых высоких сапогах, в фуражках с «крабами», несмотря на жару.

Я представился, спросил:

— Издалека идете?

— А от самого от озера,— охотно пояснил один, мужик не только ражий, но и рыжий.

— Водохранилища, что ли?

— Эге. Сколько, Егорычев, километров шестьдесят наберется?

Широконосый Егорычев подумал, потом бережно сплюнул в воду и ответил:

— Да наберется. Шестьдесят наберется, если не поболее чуток.

— Туристов встречали?

— Не,— сказал рыжий.— Ни одной лодочки нет. Рановато потому что. Через неделю их тут будет, как грязи. Вот тогда работы нам прибавится, а, Егорычев? Сетки ставят, переметы. Даже острой по ночам баблуются. Да, представь себе, с фонарем.

— Ничего себе туристы, — удивился я.

— А ты как думал? — сказал Егорычев. — Ну, не все, конечно, бывают и порядочные, особенно если кто с бабами. Только ты его отличи сначала, порядочного от браконьера. Э! Все стали ушлые. Бывает, на стоянке высадишься, потрепешься с ним, выпьешь даже — люди как люди. Народ, одним словом. Пролетарии всех стран. А случайно взглядом во-
круг поведешь...

— Ну уж случайно, — усмехнулся рыжий.

— Случайно, — упрямо повторил Егорычев. — Случайно глянешь — мать твою! Чешуя вокруг рыба, понял? С полтинник размером. Ой, не удочкой ловлено... А чего? Тут уж, друг, прости меня, разговор со-овсем другой начинается, да!

— А сейчас, значит, никого?

— Сейчас никого, — подтвердил рыжий. — Хотя, стой-ка, Егорычев, а ведь была лодка-то одна. Помнишь? Ну, за Нотным мысом, помнишь? Егорычев почесался.

— А, да, — сказал он. — За Нотным мысом встрели лодку. Было. Верно. Палатка стояла. Правильно. Трое там.

— Енотный, наверное, мыс-то? — спросил я.

— Кто знает? На картах не обозначен, — пожал могучими плечами Егорычев. — Может, конечно, и Енотный, если по речке назван. А только в старину артель там проживала, староверы. Гармоники делали. Может, от этого и мыс так называли — Нотный.

Я вынул фотографию Вьюна:

— Такого среди тех, на мысу, не заметили?

Мужики усердно попялились на изображение.

— Вроде один похож, а, Сергеич? — спросил Егорычев. — Тот, на руле который. Нет?

— Каком это руле? — сказал Сергеич. — Все трое одинаково веслами махали.

— Рулят ногой, — объяснил Егорычев. — Ну, тот, который сзади сидел.

— А, сзади? Не знаю я, — поморщился Сергеич. — На фото он гладкий, а наш небритый был. Как тут разберешь? Турист бриться не любит. Вот и пойми — тот, не тот... Ты, догоняй, инспектор, на месте виднее. Разберешься, что к чему. Наподдашь как следует — завтра и встретитесь. Осторожно только, если, считаешь, лихие люди. Трое все-таки.

— Учи ученого, — фыркнул Егорычев.

— И поучу, — сурово сказал рыжий Сергеич. — И поучу, и ничего тут нет такого. Опыт, слава богу, имеется. Вон — дробь заряд в себе ношу.

5.

...Люблю этот момент — точного выхода на цель. Рамки задачи сужаются, мысль работает кристально четко и хладнокровно. Ведь все пре-

дельно просто: впереди только одна лодка, других нет. И только об этом думаешь. Нужно что? Догнать. Потом выяснить, задержать, обезвредить.

Я несся как проклятый. Если Вьон успеет дойти до водохранилища раньше меня, задача усложнится намного. Водохранилище большое, с сотней заливов и островов, с десятками протоков. И все протоки ведут в Волгу.

Я напряженно вглядывался вперед: важно первому их увидеть. Если они меня засекут, инициатива перейдет к ним. Тогда держись, инспектор Лососев!..

Увидел я их ранним утром. На пригорке стояла нарядная ярко-оранжевая палатка, скорее всего польского производства. Дрожал дымок костерка. Двое на байдарке шли поперек плеса на противоположную сторону реки, вероятно, на утреннюю зорьку. Один, стало быть, остался в лагере. Удача!

И снова я оставил свою лодку метрах в двухстах, леском прокрался к их стоянке и неторопливо, облепившимся дачником, вышел к палатке.

Мужчина в плавках сидел на крутом берегу, свесив ноги. Меня он не замечал, старательно чистил рыбу. Нож маленький, перочинный. Это хорошо. У костра валялся туристский топорик. Я отодвинул его ногой в траву.

— Здравствуйте,— сказал я.

Мужчина — а вернее парень лет двадцати — встрепенулся, настороженно взглянул на меня. Вьон? Не Вьон? Черт его знает, действительно, оброс щетиной, как морж, поди разберись там.

— Здравствуйте,— вопросительно ответил он.

— Прикурить не найдется? — спросил я.

Он пружинисто вскочил, держа в руке раскрытый нож.

— Без эмоций! — скомандовал я. — В чем дело?

— Прикурить тебе? — язвительно сказал он. — Ах, ты... Другого не в силах придумать? Мало тебе костра, что ли, если и вправду прикурить требуется?

— Чокнутый? — спокойно спросил я, демонстративно усаживаясь на изумрудную травку. — Из вежливости я спросил. Сам вижу, что костер. А, по-твоему, как надо: не спрашиваясь, к чужому костру лезть?

Парень неуверенно улыбнулся.

— Ладно, — примирительно сказал он. — Прикуривай.

Я встал, прикурил от костра и сел снова, но уже так, чтобы топорик был под рукой. Так все-таки спокойнее. Теперь можно спросить, не таясь. Я и спросил:

— Вьон?

— Чего Вьон? — переспросил он немного растерянно. — Рыба, что ли? Окунь это, сам не видишь? Вьон, надо же... Ты что, рыбинспектор?

— Нет, — сказал я. — Не рыбинспектор. Инспектор милиции. Лососев. Я — инспектор. А ты — Вьон?

Он молчал.

Те двое уплыли далеко, я видел стрекозиное трепыхание их весел на солнце. Этот остался один, сомнений не было. И тем не менее я вдруг услышал какой-то посторонний металлический звук, позвякивание, как будто кто-то взбирался на крутой берег, звеня связкой ключей. Или шпорами. Последнее, впрочем, маловероятно.

Парень, видно, услышал это звяканье одновременно со мной. Он напрягся и молниеносно метнулся к обрыву.

Ногами я успел зацепить его, он упал, а я сел на него верхом, отобрав в первую очередь ножик. Ножик я сложил и забросил в открытую дверь палатки.

— Пусти, гад! — забился подо мною парень. — Ну чего тебе, чего надо?

— Вот ты и выдал себя, Вьон, — тяжело дыша, сказал я и, не слезая с него, внимательно осмотрел берег. Нет, никого не было, пусто.

— Ну, куда понесся? — продолжил я разговор. — Вплавь решил уйти? Так не уйдешь, у меня разряд по водному поло.

— Поло! — закричал он. — Дурак! Какое еще поло? Донка у меня там налажена, слышишь колокольчик?

И еще раз я порадовался, что не взял с собой Колю. Он бы посмеялся вдвоем с этим — как его, Денисом?

Я слез с парня.

— Документы.

— Сам предъяви.

Резонно. Я достал удостоверение. Он внимательно прочел, вернул:

— Извините, товарищ Лососев.

— За что извинить?

— За «дурака».

Из кармана палатки он вынул свой документ. Коноплев Никита Анатольевич, конструктор. Какой-то мудреный трест: «Главтехмехмонтаж...». Я и не стал вчитываться. Зачем? Если документ подделан, то какая разница? Впрочем, едва ли. Такое название не придумаешь.

На фотографии Никита все равно не был похож на себя. Действительно, гладкий, без щетины. Прическа на косой пробор. А сейчас вообще никакой прически. Лохматый, как шотландский терьер.

Но и Вьон на моем фото другой. Может быть, один из тех, в лодке?

— А те двое?

— Наши же ребята, из треста. Мы уж третий сезон вместе ходим. Хорошие тут у вас места.

— Так, — сказал я. — Места-то тут хорошие. А есть и другие места, чуеете? Кстати, не столь отдаленные.

— Сошла, — грустно сказал он, прислушиваясь.

— Что?

— Рыба сошла. С донки. Не звонит больше. Крупная, наверное, была. Эх!

— Давно на этой стоянке? — спросил я, приглядываясь к полянке перед костром.

— Да уж третий день. Места тут хорошие.

— Есть и другие места... — начал я, но вспомнил, что уже говорил об этом.

— Куришь? — прервал я сам себя.

— Курю.

— А дружки?

— И они курят. Не марихуану, не бойтесь.

— Так... И где же окурки?

Он непонимающе взглянул на меня. Я объяснил:

— Три человека, все курят. Третий день уж на одном месте. А ни одного окурка не вижу. Где?

— А мы их в костер.

— Понятно. Питаетесь чем?

— Как чем? Вот, рыбу ловим. Ну, концентраты еще есть у нас. Консервы.

— Выпиваете?

— А что, нельзя?

— Пока я задаю вопросы. Вчера выпивали?

— Вечерком, под уху, было. Пару чекушек употребили. Не вижу особого греха.

— Греха-то и я не вижу, — согласился я, — если все в рамках. И где же эти чекушки?

— Как это где? — удивился он. — Я же говорю — употребили мы их.

— Посуда, — терпеливо разъяснил я. — Пустые бутылки где?

— А я их сегодня закопал. И банки консервные тоже.

— Ну, вот и выяснилось, гражданин — как вас там по документу — Коноплев? Пусть Коноплев. Значит, окурки — в костер, бутылки — в землю. А концы — в воду. Интересно.

— Какие еще концы?

— А такие, что на бутылках отпечатки пальцев лучше всего проявляются, начинающему правонарушителю известно. Вот поэтому вы их и закапываете.

— А куда их девать? Тут сдавать некуда, в город, что ли, везти?

— Вот-вот, — сказал я. — Никакие вы не туристы. У меня, простите, опыт имеется по этой части. Турист бутылки не закопает, вы уж мне поверьте.

— Это почему?

— Потому. Турист, если он лишку принял, он обязательно всю посуду побьет, такая уж традиция. А некоторые на ветки ее насаживают. Обломают ветку и на сучок бутылку наденут. Для оживления пейзажа. На худой конец просто разбросают бутылки по местности. А в землю никто не закопает, нет уж. И банки тоже. Вот и выходит — следы заметали, не иначе. Или я не прав?

— В каком-то смысле — да, заметили, — согласился Коноплев. — Что-бы, значит, чисто после нас было.

— Природу, выходит, лелеете? А природе это, между прочим, боком выходит, лелеянье ваше. Сообразите сами: вот вы порыбачили, потом оставили после себя чистое место. Так? Тут же сюда же следующий турист прискочит, снова ловить. А устройте барахолку — набьете вокруг стекла, переломаете кусты, банок понашвыряете — никто на вашу стоянку больше не сунется. Выходит, и рыба, и другая живность на этом месте будет себя вольготнее чувствовать. И трава новая быстрее нарастет.

Коноплев замолчал, видимо, сраженный моей логикой.

Я не стал ждать его приятелей, поскольку незаметно для Коноплева сделал вывод — не того он поля ягода, не Вьюн и не сообщник его. Вьюн два дня на одном месте рыбачить не станет. Ему бежать надо.

Сохраняя достоинство, я поднялся.

— Ну, счастливо оставаться, гражданин Коноплев. Спецзадание у меня, вашими правонарушениями недосуг заниматься. Но крепко подумайте о том, что я сказал. Вы все вот они — на ладони у нас, так что... А что немного помял вас — извините. Служба. Так что — подумайте.

— Да уж подумаю, — ответил Коноплев не совсем, как мне показалось, доброжелательно.

6.

...Совхозная машина подбросила меня вместе с байдаркой обратно в Большие Еноты.

— А мы уж шукать вас бросились, — широко улыбаясь, встретил меня Колотун. — Спасибо, директор совхоза позвонил: везем, говорит, коллегу вашего.

— Да, — сказал я. — Пока неудачно. Не было Вьюна на речке, я все прочесал. Ну, ничего, круг сужается.

— Не было, — согласился Колотун. — А круг сузился до точки. Мы его застукали тут, под боком. За углом закусочная есть, на улице Скловской-Кюри, так вот он в этой закусочной и гулял. Без передыху. А как начал дебоширить — стекла побил, оформление в витрине пере-ставил, — мы и прихватили. Бачу — знакомый. Сверил по фотке — он!

— Тогда я на самолет, — сказал я. — Как с билетом — возможно?

— Забронировали уж. Нет проблем. Спасибо за помощь, за ласку.

Так я и не понял: с иронией он произнес эти слова или так, по простоте душевной?

7.

Деду я рассказал все честно, как было. Скрывать ничего не стал: все равно визнает.

И он за этот поиск вклеил мне строгача.

ТОЛЬКО ШЕВЕЛЬНУТЬ ПАЛЬЦЕМ

Это мне Жанна Гиталова посоветовала — написать обо всем. А так, сам по себе, я бы ни в жизнь не взялся. Дико трудно — уж я знаю, два раза пробовал дневник написать. И все впустую. Потому что одно дело — рассказывать, и совсем другое — записывать. Тут нужна особая честность, искренность перед самим собой. А не получается. Ну, просто вопреки своему желанию начинаешь выпендриваться, выставять себя поинтереснее, позначительнее, чем оно есть на самом-то деле. А один раз приврешь — дальше уж не остановишься.

Поэтому я зверски отбрыкивался: не могу, и все тут. Но Жанна настояла. Я ее, кстати, и уважаю за твердость и настойчивость. Потом — гордость еще в ней какая-то особенная, независимость, не как у других девчонок... Ну, не в этом дело. В общем, она сказала, что я обязан это записать, что, может быть, мои записи в дальнейшем пригодятся научным сферам страны. Она так и сказала, правда: «Научным сферам страны». Я еще спросил: «А, может быть, земного шара?» «А, может быть, земного шара», — подтвердила она очень серьезно.

Ну, не знаю...

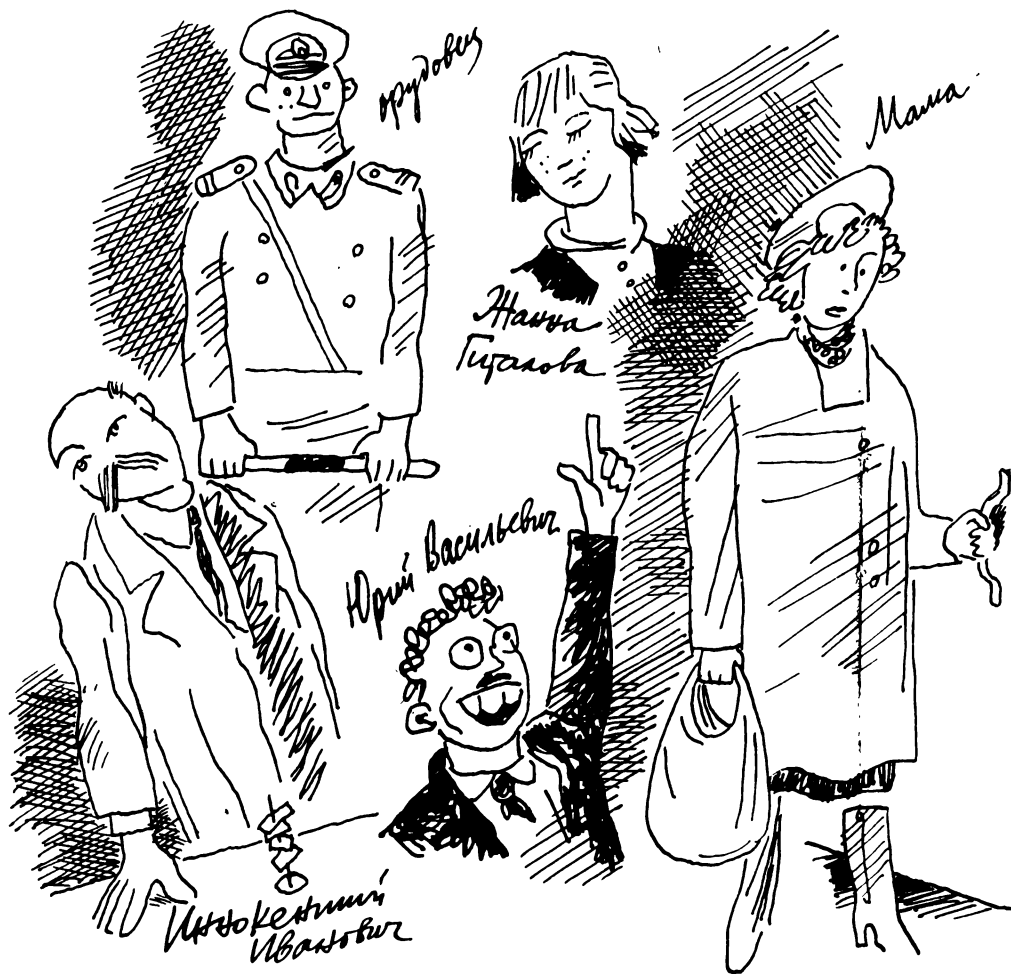
Ладно, значит так: начнем сначала. От печки. В роли печки выступает телевизор «Каскад-230», черно-белый.

1.

Я люблю телевизор. В этом нет ничего особенного, все любят телевизор, громадное большинство, во всяком случае. Я знаю только одного человека — дядю Геру с четвертого этажа, он принципиально не желает иметь телевизор. Он говорит, что хочет остаться свободным человеком, а что мы все — рабы голубого экрана. Или многоцветного.

Дядя Гера, по-моему, говорит искренне. Он вообще человек особенный, непохожий на других. В сорок два года вдруг стал изучать каратэ, причем совершенно серьезно, тренируясь каждую свободную минуту. И спокойно, к примеру, сейчас садится на шпагат, а ногой выше себя достает запросто. А в прошлом году он отклеивал паркет в своей двухкомнатной квартире — чем бы вы думали? Да можете не думать, не отгадаете! Бритвенными лезвиями, вот. Это вместо цикли-то. Затратил вагон и маленькую тележку времени, зато, мол, ровнее получается...

Ну, вот я и отвлекся. Говорил ведь Жанне — не получится у меня с писаниной. Дядя Гера вовсе тут ни при чем. Я только хотел сказать, что он искренне против телевизора, а вот многие родители — они тоже вроде не одобряют, когда, ах, дети торчат у экрана. Подчеркиваю — дети. А не они сами. Им можно. Понимаете ли, дети не учатся, дети не дышат свежим воздухом, и все этот телевизор, ах, этот телевизор...

Моего-то мнения не спрашивают. А оно, между прочим, имеется. Вот: с телевизором я расту. Я получаю такую информацию, какую не жди ни от одного учебника. Где я еще столько узнаю о науке, о политике, об экономике, о природе, о зарубежных народах и путешествиях? Нигде. Все, чем живет мир, все отражается в телевизоре. Хватай только и переваривай. Причем бесплатно и не выходя из дому. А мне, что ни вечер, выпевают: «А уроки? А уроки?»...

А что уроки? Я не двоечник. Ну, не отличник тоже. Так и ладно, я не гордый. Между прочим, в институт не собираюсь. Родители, ясно, об этом и не подозревают. Что вы, им только намеки, такие децибелы взвоятся, не приведи господь! «Как такое, как такое!» Все мое благополучие в будущей жизни они строят на дипломе. Диплом — основа основ, конституция бытия, фундамент, на котором я буду прилежно, по кирпичику воздвигать стройное, элегантное здание моих грядущих лет. Остальное — вторично. Здоровье, моральные устои, семья, любовь к своему делу — все это, они считают, приложится к диплому само собой.

Хреновина собачья! (Мама вздрагивает от подобных моих выражений, но, надеюсь, моя писанина минует ее.) Вот, слушайте: можно быть дипломированным по самую маковку, а в жизни — рядовым неандертальцем (Шестернев, например, из парадного напротив. Инженер, интеллигенция. А поближе познакомишься — алкаш, и ничего более). А можно при десятилетке стать мастером — Мастером с большой буквы. Я желаю утвердиться, испытать и познать себя, пошляться по свету, найти занятие, чтобы припать к нему душу, — это главное! А диплом, если надо, никуда не денется — приложится. Отслужу армию, потом пойду в водолазы, в змееловы, в яйцелупы (говорят, такая должность есть при кондитерских заводах — да шучу я, шучу!), в геологическую партию — словом, куда приглянется!

И ориентироваться в жизни мне поможет в первую очередь телевидение. Да уж. Вы только не подумайте, что школу я отрицаю. Нет, при всех ее глупостях я ее в общем-то признаю, но тут вот еще какой поворотик имеется: учебник — он вот он, всегда под рукой. Сегодня не учил, завтра догоню, нет проблем. А нужную передачу зевнешь — и уже, считай, потеряно. Вот когда видик займем, чтобы прокручивать в любое время что угодно, — ну, тогда и разговор другой будет.

Да, этак я никогда не кончу со своими рассуждениями. Четыре страницы исписал, а по существу ничего еще и не сказал.

Всё! Беру быка за рога.

2.

Был вечер, вторник. Или среда? А, не имеет значения. Можете спрашивать в телеархивах: когда шла передача с Мирей Матье? Ну, вот вам дилемма: Мирей Матье или уравниения с двумя неизвестными? Вы-то сами что бы выбрали?

Вы бы выбрали Мирей Матье. И вся планета выбрала бы Мирей Матье, ручаюсь. Кроме мамы. Мама выбрала уравнения с двумя неизвестными.

— Саша, сейчас же выключи, — сказала она, входя в комнату. — Сейчас же выключи и займись уравнениями. У тебя же котрольная завтра. Почему это я должна помнить? А не ты?

— Ну ма, — сказал я.

— А я говорю — выключи, — непреклонно сказала мама.

«Я люблю негодяя, и с этим ничего не поделаешь...» — пела Мирей.

А я люблю Мирей, а не математику, и с этим тоже ничего не поделаешь.

— Ма, Мирей Матье же. Сделаю я эти уравнения, никуда они не дуются.

Тут мама вся собралась, как перед прыжком в воду с десятиметровой вышки, и стала максимально непреклонной.

— Саша, я дважды повторять не привыкла, ты ведь знаешь!

Я-то знаю. Это она на принцип идет. Ей кажется — вот уступит она мне хоть разок, и весь ее авторитет слиняет, а я тут же превращусь в матерого лодыря и хиппи. И сяду ей на шею навсегда.

Ну, я выключил. А что сделаешь? У меня есть записи Мирей Матье на маг, но, согласитесь, одно дело слушать, а другое — еще и видеть. Обидно.

Мама ушла на кухню, забренчала там тарелками-кастрюлями, но снова включить я не решился: тут такое подняться может, никакая Мирей мила не будет. Мама, она такая.

Папа — он помягче, с ним договориться можно. И вообще он понежко отстранился от контроля за моими занятиями, потому, во-первых, что с работы приходит поздно, в девять, а во-вторых, после того случая с геометрией.

Случай был забавный. Я как-то сидел, задачку решал. Чего-то у меня не получалось, ну, он и подсел ко мне.

— Застрля? — спросил он бодро. — Тугодум же ты. Смотри: эти углы равны, верно?

— Нет, — сказал я. — Они не равны, они конгруэнтны.

— Чего-чего? — спросил папа, немного засуетившись. — Как это — конгруэнтны?

— Очень просто, — пояснил я. — Фигура конгруэнтна данной фигуре, если эту вторую фигуру можно отобразить на первую с сохранением расстояний. А отношение конгруэнтности фигур рефлексивно, симметрично и транзитивно.

— Ты вот что, — рассердился родитель, — ты меня, понимаешь, не разыгрывай. Мы тоже в школе учились. Я тебе дам — транзитивно!

Я раскрыл учебник на соответственной странице и показал ему. Он замолчал.

С тех пор он уже не проверяет, как я учу уроки, и ограничивается общими рассуждениями насчет диплома, как фундамента.

Опять я отвлекся. Нет, не вытянуть, видно, мне эту несчастную сюжетную линию, мысли скачут, как каракумские тушканчики.

Да. Раскрыл я, значит, тетрадку с уравнениями, сижу. Пять минут сижу. Десять минут сижу. Уравнения не решаются, Мирей Матье не поет. Время проходит впустую. А я совсем о другом думаю: какую бы это штуку изобрести, чтобы мгновенно включать и выключать телевизор. Не сходя с места. Вот было бы потрясно. Мама из комнаты, я — щелк и смотрю. Мама в комнату, я — щелк и уже задачку решаю.

А потом думаю: да ведь тут и изобретать нечего. Во всем мире существуют дистанционные переключатели. Чтобы именно так, не поднимаясь со стула, командовать телепередачами. Мне, правда, не приходилось эти переключатели в натуре наблюдать, какие они, у нас-то их пока что нет. А, может, уже есть, подумал я, чем черт не шутит. Ведь когда-то должно быть начало. Надо бы сходить в радиомагазин и разведать.

3.

Это был вечер, и поэтому я тогда никуда не пошел. А на следующий день отправился в такой специализированный магазин, благо он от нашего дома за два квартала и называется «Волны эфира».

Ну, названьице! Кто их только придумывает? И, наверное, деньги за это получает, не бесплатно же. Волны эфира, а? Коли так, то надо бы построить торговый центр, этакий ансамбль из магазинов. И чтобы молочный магазин там назывался «Реки кефира», а кондитерский — «Кучи зефира»...

Стоп! Снова меня заносит.

Беру свои рассуждения за жабры.

Народу в этих «Волнах» почему-то совсем не было. Хотя понятно, почему: в свободной продаже телевизоров практически не бывает, так чего ради сюда ходить? В зале тем не менее высилась пирамида из телевизоров разных марок. Это были — смешно сказать — рекламные телевизоры, на них висели тоскливые таблички «Не продается». Их, я сосчитал, было тринадцать, и все тринадцать работали. Перед ними торчали два пацанчика и смотрели одновременно на тринадцать экранов. На экранах плясала красивая белозубая кубинка.

«Ча-ча-ча!» — задорно покрикивала кубинка. На девяти экранах она была расцветшена, как праздничный салют — красная, зеленая, желтая... На остальных — черно-белая.

На каждого пацанчика приходилось шесть с половиной экранов. Это в наш век дефицита было чересчур роскошно, я подошел и встал рядом. Теперь на каждого пришлось четыре с третьим экрана и четыре с третьим белозубых кубинки.

Поглазев, я подошел к голубому пластиковому прилавку, за которым маялась без работы молодая продавщица в сером фирменном халатике с большой эмалированной брошкой-монограммой в виде букв «В. Э.».

— Что, племянничек, желаешь? — спросила продавщица. — Дистанционный переключатель?

Я оторопел:

— А... откуда вам...

— Не первый день работаю, — улыбнулась девушка. — Тебе ДПБ?

— Что это — ДПБ? — смущаясь, спросил я.

— Ну, ДПБ — бесконтактный значит. Дистанционный бесконтактный, ясно?

— Нет, — признался я. — Как это — бесконтактный?

— Да ты и правда тугодум, — засмеялась продавщица и встряхнула гривой платиновых волос. — Вот, смотри. Кстати, последний остался, повезло тебе. Видишь, ни провода, ни штекера, ничего нет. Бери его в руку, как пистолет, и дулом направляй на экран. А большим пальцем нажимай на кнопку. Четыре кнопки, и над каждой цифрочка, видишь: ноль, один, два, три: Усек? На какую кнопку надавишь — такая программа и будет. Демонстрирую! Нацеливаю на крайний телевизор. Раз!

Кубинку на крайнем телевизоре как ветром сдуло, появился жирный в очках дядька и забубнил что-то об открытых разработках угольных бассейнов. О том, как производительность труда резко повышается, а себестоимость угля резко снижается как раз из-за того, что разработ-
ки — открытые.

— Два! — скомандовала девушка.

На смену дядьке появился нелепый мульт-утенок, который с деловитым кряканьем вылезал из озера. На берегу, за кустом, нетерпеливо елозила лисица. Пацанчики переметнулись к утенку.

— И выключить можно?

— Ну! Для того и нолик на шкале.

Она нажала нулевую кнопку. Лиса с утенком сжались в световое пятнышко и исчезли: экран потух. Пацанчики снова уставились на кубинку.

Я стоял, немного обалдевший, раздавленный техническим прогрессом. Сколько же такое чудо может стоить?

Точно угадав мои мысли, девушка сказала:

— Ну, берешь? Два восемьдесят пять в кассу. Последний, учти.

Два восемьдесят пять у меня имелись, и я стал владельцем сказочного прибора. Он и выглядел-то сказочно, напоминая собой застывшую медузу. Его корпус был сделан из какого-то полупрозрачного материала. Под корпусом перемещались узкие тени, мерцали зеленоватые лучи. Только направляющий ствол и кнопки были изготовлены из золотистого металла, бронзы, что ли.

— Работать не будет или еще что, — пристально глядя на меня чер-

ными раскрашенными глазищами, сказала продавщица, — неси прямо ко мне, ни к кому другому, договорились? Если меня на месте не будет, спросишь Жанну, меня зовут Жанна. Хорошо?

Позади прилавка открылась узкая дверца и из нее высунулся угрюмый и лысый человек с модными печальными усами, как у Тараса Бульбы. Человек был очень старый, лет, наверное, за сорок. На его груди тоже сверкали буквы «В. Э.».

— Жанна, — сказал он. — Накладные на радиозверей проверь. Быстренько.

— У меня же покупатели, Иннокентий Иванович, — возразила Жанна, снова потряхнув копной пушистых волос.

— Я побуду, — буркнул Тарас Бульба, — иди.

Напоследок, перед тем, как скрыться за узкой дверцей, Жанна обратилась ко мне:

— Осторожней, Саша, с прибором! Аппарат чуткий, высшая электроника.

Я кивнул. Тарас Бульба, набывчась, посмотрел на меня.

— Ну так что? — спросил он.

Я пожал плечами:

— Ничего. Купил вот.

— Ну, купил — и ладушки. С комсомольским приветом.

Я вышел из магазина, размышляя об именах. Во-первых, Иннокентий — какое же редкое имя! Я знал только одного человека с этим именем, актера Смоктуновского, и вот теперь этот. Директор, наверное, «Волн». Строгий. А имя — что ж! До революции оно, видно, было в ходу. Но тут я сообразил, что при чем тут до революции! Ведь если директору даже сорок пять, все равно он родился после революции.

А вот Жанна — тоже имя у нас редкое, потому что французское. Тут удивительно было то, что в нашем классе тоже была Жанна. Гиталова. Та самая, которая засадила меня за эту летопись. Вообще я считал, что наделять детей иностранными именами — признак недалекого ума. Все эти Эрики и Эдики хороши за границей, у нас они ни к чему. Кроме Жанны. Я говорю о Гиталовой. Имя ей удивительно шло. Она выглядела типичной парижанкой — тонкая, гибкая, с удлинненным разрезом глаз и веселой челкой, болтающейся на лбу. (Насчет удлиненного разреза сказал наш учитель по рисованию, я сам бы до такого определения не додумался.) А характер у ней гордый, независимый. Впрочем, я об этом уже говорил. И представить ее Машей, Таней или Людмилой я не мог. Только Жанна...

Я рад, что родители не называли меня ни Эдиком, ни Иннокентием. Александр, Саша — нормально, без никаких претензий.

Тут вдруг я остановился, вспомнив последние слова Жанны-продавщицы: «Осторожней, Саша, с прибором!»...

Откуда она узнала мое имя? Ей-богу, я видел ее первый раз! А как она сказала: «Да ты и правда тугодум». Только папа дразнит меня тугодумом.

мом... И потом — какие-то радиозвери... Накладные на радиозверей. Собачья хреновина...

4.

Мне страсть как хотелось опробовать свое приобретение, а только мама была на страже. Я вертелся на стуле, для вида обложившись книгами и тетрадями, а сам следил за ней. Вот — на кухню ушла, это хорошо. Внимание; приготовимся! Если займется гладкой — это надолго, тут есть шанс тихонько включить телевизор. Мне звук ведь и не надо, мне только дистанционное переключение проверить.

И вот, когда терпение мое иссякало, мама выглянула из коридора. — Санек, я в магазин. Я скоро. Занимайся, пожалуйста, — сказала она, с усилием подтаскивая кверху ушко молнии на замшевом сапоге.

Я деловито кивнул. Сердце стучало. Хлопнула входная дверь. Я вытащил из кармана ДПБ, направил его ствол на телевизор и нажал кнопку «1».

Экран заполнился опрятным полчищем скрипачей. Ими руководил высокий стройный джентльмен. Фалды его фрака покачивались, и в такт фалдам скрипки усердно выводили пронзительную щемящую мелодию.

Дирижер на минуту оглянулся, и мне показалось, что он в курсе моих дел и даже заговорщически мне подмигивает.

— Порядок, — успокоил я дирижера и нажал кнопку «2». По второй программе ничего не было: рано. Только играла бурная поп-музыка и мерцала сетка настройки. То же и на четвертой программе.

Я снова нажал на единицу. Скрипки уже отрыдали свое. Забегали титры приключенческого фильма.

Может быть, вы не поверите, но к художественным фильмам я равнодушен. Столько в жизни происходит интересного, что на выдумки просто не хочется тратить время. Но вовсе кино я не отрицаю. Когда, например, стоит выбор — кино или подметать комнату, я предпочитаю кино.

Так и сейчас — я предпочел кино. Банда недобитых гитлеровцев прячется высоко в горах, в пещере. Рядом работает изыскательская экспедиция. Под видом местного жителя в экспедицию проникает...

— Выходит, я не могу доверять своему сыну? — негромко спросила мама, появившись в проеме двери. — Выходит, кот из дома — мыши в пляс?

— Что ты, ма, это тебе показалось! — крикнул я и, заторопившись, нажал на кнопку «0».

5.

И вот тут это самое и случилось. Экран продолжал светиться дрожащей голубизной. Неслась по ущелью кавалькада. А мамы не было.

Я остолбенел. Машинально взглянул на свой переключатель. Его бронзовый ствол был направлен как раз на то место, где стояла мама.

— Мама! — крикнул я. Хорошо помню, что пальцы мои затряслись, и всего меня затрясло, и все-таки я справился с этой непослушной дрянью и нажал на кнопку «1», не меняя положения переключателя.

С огромным облегчением я увидел: мама стояла, как и раньше, опираясь одной рукой на косяк, а другой держа матерчатую сумку с продуктами.

— ...ты пойми, у тебя год самый трудный. Если ты будешь шалить-валяй относиться к своим обязанностям... — как ни в чем не бывало, продолжала она.

Я слушал ее вполуха и одновременно лихорадочно соображал: как же так? Выходит, ДПБ действует не только на телевизор? Выходит, и на маму тоже? А если попробовать нажать на «двойку»?

— ...раз такое дело, скажу отцу, и телевизор продадим...

Я осторожно-осторожно, тихо-тихо нажал на кнопку «2».

— Этот продадим, — продолжала мама, — а купим большой, цветной, как у твоего дружка, у Валентина. У папы на работе как раз идет на них запись. Не возражаешь?

— Я-то не возражаю, — растерянно сказал я.

— Ну, самое главное, что ты не возражаешь, — улыбнулась мама. — Статьи, папа премию получил, так что все одно к одному сходится. Но — с условием.

Условие всегда было одно и то же, мама могла и не продолжать.

— Капитан, подтянитесь! Чтоб никаких троек в четверти! Есть, капитан?

Она поставила сумку на пол и как была в плаще прошла в комнату и села на диван.

Я незаметно нажал на кнопку «3». Для чистоты эксперимента, чтобы все понять до конца.

— Впрочем, — задумчиво сказала мама, — ничего-то не значат все эти двойки-тройки. Сколько великих людей учились в школе так себе.

— Вот и я говорю, — обрадовался я.

— Что ты говоришь?

— Я говорю: и наоборот бывает. В школе — отличник, а вырастет — дурак-дураком.

— Да? — сказала мама. — Такого я что-то не слышала. Ну, неважно. Не в сути дело, как любит изъясняться папа. Просто я считаю, что чересчур заниматься — вредно.

— И я, — согласился я.

— Ты давай вот досмотри кино и иди гуляй. Никуда твоя наука не денется. И — подожди-ка — вот три рубля. Возьми. На всякий случай, мало ли...

Кино в общем-то мало меня интересовало. Ясно, что фашистских недобитков добьют, все будет в порядке, хэппи-энд. Я посмотрел в окно. Во дворе буйствовала другая компания, может, и лучше, чем

те, в фильме, но... Одним словом, при встрече я предпочитал обходить их стороной. Не всегда ведь, знаете, бывает боевое настроение, а контакт с этой компашкой обычно завершался стычкой. Главарь их — Мишка Трегубов, по прозвищу Три Губы — оригинальное прозвище, верно? — в принципе-то, может, был и неплохим парнем, а только подхалимаж окружения явно его портил. Он заметно помыкал своими друзьями, а те терпели, и даже, по-моему, с удовольствием подчинялись ему. И если инцидент начинал Мишка, то остальные — Игорь, Сереня, Юрик Половинкин — завершали инцидент кулаком или подножкой. Пару раз и я получал от них довольно чувствительный отлуп.

Но теперь... Я внимательно посмотрел на свой ДПБ. Продолжим опыт?

6.

Не торопясь, спокойно я пересек двор и подошел к ним. Они занимались вот чем: самозабвенно гоняли большую банку из-под зеленого горошка, стараясь попасть ею в прохожих, — безответных, естественно: девчонок, малышей, старух.

— Шиш идет! — изумленно крикнул Сереня. — Сам пришел, в гости!

Шиш... Это обидное прозвище выдумал он. Вдвойне обидно было: почему именно Шиш? Ни внешне, ни какими другими данными я не походил на шиша. Ладно бы фамилия была Шишов или Шишкин. А моя фамилия — Бочаров. Ну, пусть и звали бы Бочкой. Нет, вот — Шиш...

— Сереня, Сереня, пугало воронье, — автоматически огрызнулся я.

Бац! Прямо в лоб звезданула консервная банка. Правда, я частично успел защититься ладонью, но все равно было больно.

— Я нечаянно, — ясно улыбаясь, сказал Три Губы. — Прости меня, Шиш. Я не хотел тебя в лоб.

— Он в ухо хотел, — крикнул Игорь. — Да не рассчитал.

Раздалось многоголосое отвратное ржанье, с оттенком нарочитого хамства.

— За нечаянно бьют отчаянно, — сказал я.

— Ты, что ли? — спросил Три Губы, усмехаясь. — Ну, начинай, отчаянный, а мы поглядим, чем кончится.

Сереня и Юрик зашли ко мне за спину. Известный прием. Игорь заслонил собой Мишку, взглянул на меня напряженно и внимательно.

ДПБ был у меня в кармане куртки. Вынимать и демонстрировать его не хотелось. Наощупь я нажал кнопку «2» и направил дуло сквозь карман на Игоря.

Игорь отошел от Мишки, миролюбиво сказал:

— Ладно, Три Губы, ты сам виноват, чего уж. А если тебя банкой по лбу?

Действие ДПБ, очевидно, перешло на Мишку, и он спокойно ответил:

— Да уж чего хорошего — банкой по лбу. Ты извини, Саня, ну? Я серьезно. Вы там, кончайте!

Это он крикнул двоим за моей спиной, на которых мой прибор не влиял и они, должно быть, что-то там химичили. На них я ДПБ направлять не стал, обойдутся. Я переключил на «3» и оставил ствол нацеленным на Три Губы.

— Че мы банки гоняем, как охламоны? — задумчиво сказал он. — Пошли вон туда, за автостоянку, на пустырь, я мяч вынесу. Побьем в одни ворота. И вообще, сколотим свою команду, потренируемся... Капитаном будешь, Сань?

«Капитан, подтянитесь», — вспомнил я слова мамы.

— Погодите, я быстро, — крикнул, убегая, Мишка.

Оставшаяся троица чувствовала себя явно не в своей тарелке, особенно Юрий с Сереней. Этого нахального Шиша — капитаном? Вместо того, чтоб по скуле... Они не знали, как вести себя дальше. Их кумир добровольно уступал первенство чужаку из вражеского стана. Непонятно, но надо было приспособливаться. Сереня вынул из кармана пакетик жвачки, протянул мне:

— Будешь?

Я небрежно взял. Юрий тоже потянулся к пачке.

— В праздничек, — хмуро сказал Сереня и спрятал пачку.

Помолчали. Игорь нетерпеливо смотрел на подъезд, в котором скрылся Три Губы.

— Ну чего он?

Наконец, Три Губы появился. Он сиял. Под мышкой он нес такой же сияющий новенький мяч.

— Че я придумал! Вот у меня фломастер есть, японский, гляди, какой толстущий. Он несмываемо рисует. Мы все распишемся на мяче и вручим его тебе, как капитану, да? И вызываем на матч тех, из пятнадцатого дома. Ну там — Димка, Леха, Шпаковы. Пускай они свою команду собирают, а мы — свою. На дворовое первенство. А потом — микрорайона. А потом, когда всех обыграем...

— Сначала обыграй, — сказал я.

— Тренироваться будем. Железно! — крикнул Игорь.

Я пожал плечами. И тайная мыслишка затрепыхалась где-то внутри: «А что? Если на судью попробовать... ДПБ... Цифра «3» ... Пожалуй, в чемпионы можно выйти».

Я взял мяч и решительно произнес... Даже не произнес, а приказал:

— Пошли.

Мы футболили до полной темноты. Ноги гудели. Уроки я, конечно, так и не сделал, но думал об этом теперь вовсе беспечно. Чего бояться? Мама не возражает, а в школе... В школу я захвачу свой переключатель. Обязательно.

Многочасовая подготовка к чемпионату мира по футболу дала себя знать: я проспал. Еле-еле успевал на второй урок.

Не умываясь (некогда), я на ходу проглотил вчерашнюю котлету, сунул в карман яблоко и заветный ДПБ и в пальто внакидку выскочил на улицу.

Чтобы сократить путь, я пренебрег подземным переходом и пересек улицу по диагонали, увертываясь от сердито тявкающих машин. И, конечно, попал в руки сержанту-орудовцу.

Это был совсем молодой пухлоротый парень с яблочным румянцем во всю щеку. Он цепко схватил меня за локоть.

— Попался, ушкунник! — весело сказал он. — Как, штраф платить будем или в отделение пожуем? Ишь, прыткий какой. Скачет себе по мостовой, как джейран. Что будем делать-то, джейран? А?

— Пятнадцать суток ему, аварийщику, — посоветовал шофер притормозившего «КамАЗа» с прицепом.

— Ладно, ладно, — сказал милиционер. — У нас и без этого методов воздействия хватает. Перво-наперво адрес. Родителей порадуем.

— Родителей! — иронически прохрипел небритый тип в телогрейке. — Он те адрес наврет — недорого возьмет. А ты мне его передай на воспитание, минуты на две, больше не надо. Шелковым верну. Вкачу только пару пенделей.

От него несло перегаром. Я сказал:

— Руки короткие.

— Это ты мне? — изумился тип. — Да ах ты... Да я тебе в отцы го-жусь!

— Нет, — сказал я серьезно, — в отцы вы мне никак не годитесь.

Сержант одобрительно взглянул на меня, потом перевел взгляд на типа.

— Проходите, гражданин, — посоветовал он, — это парнишка прав: не годитесь вы в отцы ни ему, ни кому другому. Идите, идите!

Тип фыркнул, но спорить поопасался, ушел.

— Я в школу опаздываю, — убедительно, с раскаянием в голосе сказал я. Прикрываясь портфелем, вытащил переключатель и нажал на кнопку «2».

— Ах, в шко-олу? — саркастически запел было орудовец, но вдруг замолчал и задумался. — Ну, раз в школу — беги. Аргумент весомый. Не смею задерживать.

— Спасибо, — сказал я, на всякий случай нажал на «три» и двинулся.

— Стой, джейран! — крикнул сержант. — Скажи-ка: ты случаем мотоциклом не умеешь управлять?

— Ездил, — сказал я. — На даче, у товарища.

— Держи ключ, — торопливо сказал он. — Вон на углу моя таратайка. Прыгай на нее и чеши в школу. Тридцать шестая школа-то?

— Ага, — кивнул я.
— Всё! Мотоцикл во дворе оставишь, я подойду! Ключ в коляску положи, под коврик. Пошел!
Я побежал. Вслед мне он крикнул:
— Заднюю скорость только не включай, это тебе ни к чему!
Машина была — блеск! Новенький желто-синий «Урал», двухцилиндровый. Я и не знал, что у них есть задний ход...

8.

Мне повезло. Первым уроком была физкультура, и Андрей Владимирович вывел наш класс на пробежку по причине хорошей погоды. Я лихо влетел во двор, срезал угол под носом нашего первого бегуна, моего первого друга Вальки Ивачева, и с шиком тормознул. Тормоза были отрегулированы железно.

Многоголосо и радостно заорали ребята. Пыля кедами, подскочил Андрей Владимирович:

— Бочаров! Это как понять?

Ребята столпились вокруг меня. Толстый Алька Крутиков завистливо тронул трос сцепления. Только две-три девчонки как бы равнодушно стояли поодаль. Среди них я успел заметить Жанну Гиталову, ее синий свитер.

— Да так, — сказал я спокойным голосом, но чуть погромче, чем требовалось — чтобы было слышно всем, даже тем, кто стоял поодаль. — Так это, Андрей Владимирович. В задержании участвовал.

Фраза получилась удачной. Я не соврал: ведь действительно я был участником задержания. Задержания меня сержантом милиции.

Ясно, никого такой неопределенный ответ не удовлетворил.

— Кого, Сашка? Кого задерживал, Бочаров? Где он? А почему ты? Ты с милицией, да?

Вопросы сыпались со всех сторон — кроме той полосы отчуждения, где стояла Жанна.

Я вздохнул, развел руками:

— Пока рассказать не могу. Пока секретно.

И это тоже была правда: не мог я ничего рассказать. Я не собирался делиться ни с кем, даже с Ивачевым, тайной моего сокровища — ДПБ. Весь эффект его действия зависел от строгой секретности.

Андрей Владимирович задумался. Он, видно, соображал, как реагировать дальше: с одной стороны, надо бы отругать меня за опоздание, за лихачество с мотоциклом. С другой стороны — задержание, секреты... А вдруг я — юный герой? А он прохлопает?

Спас его звонок. Он махнул мне рукой:

— Разберемся, Бочаров.

Разбирайтесь. То ли еще будет.

Вторым уроком у нас была физика. Физику я тянул еле-еле, из «тро-

яков» не вылезал и предмет этот страстно не любил. Но сейчас мне было все равно: со мной мой верный ДПБ. Он выручит, теперь я знал это твердо, и потому спокойно занял свое место за третьим столом. Это место было исключительно удобным: можно было одновременно видеть доску, учителя и Жанну — почти в профиль. Я даже не раз пытался нарисовать ее портрет, да безуспешно: в рисовании я волоку еще хуже фики.

Как всегда, уверенно, размашисто вошел в класс Юрий Васильевич. Коротко поздоровавшись, он кинул папку на стол и, не садясь, поманил меня пальцем и мотнул головой: выходи, мол, Бочаров.

Я медленно поднялся с места.

— Живей, Бочаров, — требовательно и сухо сказал Юрий Васильевич, вглядываясь в меня из-за огромных очков. — У нас сегодня много работы. И если не готовился — скажи сразу, не тяни. Ставлю «двойку» и перехожу к следующему вопросу.

Тихо щелкнул мой переключатель. Юрий Васильевич неожиданно улыбнулся.

— Шучу, — сказал он. — Не бойся. Я понимаю, так бывает: человек подготовился отлично, а отвечать — ну просто душа не лежит. Ну и ничего особенного. Так что садись, Бочаров, если не хочется отвечать. Принцип добровольности никогда не мешал учебному процессу.

ДПБ щелкнул второй раз.

— И знаешь, Бочаров, — проникновенно сказал физик. — Знаете, ребята? Крутиков, не крутись! Гиталова! Ребята, я лично уверен, что из Бочарова получится гениальный ученый. Курчатов. Ландау. Нильс Бор. У Бочарова оригинальный метод мышления. Поверьте мне, у меня глаз острый.

Он оглянулся на стену, на портрет Эйнштейна, Эйнштейн тоже посмотрел на него — устало и мудро.

— Недолго вам здесь висеть, сэр Альберт! — напыщенно воскликнул физик. — Он сменит вас.

— Ура! — крикнул кто-то, наслаждаясь необычным зрелищем. Кто-то захохотал. Ребята восприняли речь Юрия Васильевича, как спектакль, как чудачество. Это меня не устраивало. Тогда я методично стал направлять свой переключатель на всех по очереди и щелкал, щелкал, щелкал... Михайлов, Возницына, Петрашова, Крутиков, Ивачев... И насмешка тут же слетала с их лиц, заменяясь неподдельным восторгом и почитанием.

Тут я повернулся к Жанне. Пляска и карнавал во главе с учителем и вся эта хреновина собачья почему-то меня не радовали. Вроде бы и приятно чувствовать себя центром внимания, звездой, суперменом, приятно знать, что ты можешь властвовать над кем угодно, стоит только шевельнуть пальцем. Только шевельнуть пальцем... И тем не менее...

Что меня поразило? Пусть бы Жанна была равнодушной или недовольной. Или даже презирающей. Или... Но я увидел в ее взгляде иное. Я бы назвал это усталой безразличностью.

«Ну, нравится тебе это юродство?» — говорили ее глаза.

«Нравится», — хотел я ответить ей с вызовом. Моя рука с переключателем медленно поднялась. Секунда — и Жанна присоединится к общему похвальному хору. Вон кто-то уже и аплодирует. Рукоплескания перейдут в овацию. И она тоже будет аплодировать, как все. Ну, что же ты, нажимай.

Я не нажал на кнопку. Я раскрыл ладонь, и переключатель скользнул с ладони на пол. Таинственное мерцание исчезло. Для верности я наступил на ДПБ каблуком. Я раздавил мой перспективный, мой всемогущий прибор, как орех. Как гадину.

Наступила тишина.

— Ну, хватит, ребята, — произнес физик. Он сел за стол, снял очки и минуту сидел неподвижно, закрыв лицо ладонями. И все сидели неподвижно. Потом Юрий Васильевич спокойно сказал:

— Пошутили и займемся делом. Извини, Бочаров, я тебе выставлю «двойку». Подумай серьезно об оценке в четверти.

— Я знаю. Я догоню, Юрий Васильевич, — сказал я и незаметно поднял с пола раздавленный переключатель. Что же за странная сила была заключена в нем и куда она вытекла? Пластмасса, яркие зеленые проводочки. Два самых обычных предохранителя. И черная вязкая масса вроде смолы...

Вот я и стал, как все. Рядовым, будничным школьником. Троечником. Как ни странно, я чувствовал огромное облегчение. Да, я не капитан футбольной команды. И завтра Три Губы попомнит Шишу свое унижение. И я не знаменитый ученый, Эйнштейн может спокойно висеть на гвоздике над доской. Ну и что? Если захотеть как следует, если сделать это целью жизни...

9.

Вышло как-то само собой, что из школы мы пошли вместе с Жанной, вдвоем. И я ей все рассказал. Подробно. Со всеми деталями. Я избражал в лицах маму, и Три Губы, и регулировщика с его мотоциклом. Единственное, о чем я умолчал, — это почему я уничтожил переключатель, пусть сама догадывается.

Может быть, она и догадалась. Во всяком случае, она не спросила меня: почему? Она сказала:

— Что же это — чудо? Или взлет технической мысли?

— Кто его знает, — ответил я. — Хреновина собачья.

— Саша, — сказала она, — а давай зайдём в магазин. В этот, как его, «Эфир»?

— «Волны эфира», — поправил я. — Ты тоже хочешь купить ДПБ?

— Нет, — сказала она. — Это штука страшная. И унижительная. Вер-

нее, унижающая. Впрочем, не тех, кто вокруг. А тебя. Только тебя. Потому что все не виноваты, они не в курсе. А ты — знаешь. Ты специально, с расчетом, жмешь на кнопки.

— Так зачем же туда идти? — возразил я.

— Как зачем? Как это зачем? — возмутилась она. — Да ты представляешь, если накупят таких штук! Ты вот понял — и раздавил ее, а кто-то и не раздавит! Мы спросим, кто выпускает эти переключатели, и поедem на завод. Или напишем. Всем классом. Мы в Верховный Совет напишем. Пусть там разберутся, пусть прекратят делать эти штуки. Нельзя же, как ты не понимаешь?

— Понимаю. Пойдем, — сказал я.

10.

В полутемном зале магазина покупателей вообще не было, ни одного. Так же светились тринадцать телевизоров, из них девять цветных. Кучерявый паренек в сером халате с яркой брошкой «В. Э.» нес из подсобки стопку красивых коробок.

— ДПБ есть? — спросил я его.

— Что? — с неудовольствием переспросил он.

— А Жанну можно?

Парень удивленно взглянул на меня:

— Какую Жанну?

— А вот. Она за этим прилавком. Торгует. Беленькая такая. Блондинка.

— Петь! — крикнул парень.

Из подсобки вышел другой парень, тоже молодой, но уже с заметной лысинкой.

— Вот, — сказал кучерявый. — Вот он за тем прилавком. Никакой Жанны тут не работает.

— А Иннокентий Иванович?

— Иннокентий Иванович? — Кучерявый задумался. — Не знаю. Петь?

Петя пожал плечами.

— Директор. Тарас Бульба, — объяснил я.

— Заучился ты, видать, кореш, — сочувственно сказал кучерявый. — Тарас Бульба. Пульхерия Ивановна. Девочка, иди, прогуляй его по улице, пусть мозги продует.

— Ну хоть скажите, дистанционный переключатель у вас есть? — крикнул я.

— Будет, будет, успокойся, — сказал Петя. — Заходи лет через пятнадцать, будет...

Мы вышли на улицу.

— Но ведь все это было! — сказал я. — И ДПБ, и Тарас. Ты мне веришь, Жанна?

— Верю, — сказала она. — Идем, ладно.

НИДЕРЛАНДСКОЕ ИНТЕРВЬЮ

ВОПРОС: Ваше самое сильное впечатление от Голландии?

ОТВЕТ: Вот представьте: мы сидим за столиком на берегу залива в рыбацком поселке, пьем голландское пиво...

В: Хорошее пиво-то?

О: Плохого голландского пива не бывает. Вы не перебивайте, пожалуйста. Итак, сидим, а рядом примостилась голландская кошка, трудится над голландской свежей рыбкой. Неведомо откуда появляется жизнерадостный голландский кабыздох, белый и пушистый. Он дружелюбно кружит вокруг кошки, желая разделить с ней трапезу. Та, эгоистка, выставив локти, методично поворачивается к попрошайке спиной. Озадаченный холодным приемом, песик минуту думает, потом решительно поднимает ногу и окропляет скупердяйку. После чего весело убегает.

Я подумал: наши, советские, собаки так не поступают.

В: А вы не подумали, что государство, посылая вас в командировку, зря только тратило дефицитную валюту? Ничего себе впечатление...

О: А вы ждете обычного скулежа о том, что у них в магазинах, ах, вы представить не в силах, есть всё-всё, что вам хочется и чего не хочется? Сколько же можно травить нашего потребителя? А я вот считаю, что при всем ихнем изобилии голландцы, выигрывая материально, проигрывают морально.

В: Как это?

О: Ну вот вам пример. Королевство производит сто тридцать сортов сыра. И любой сорт можно купить без очереди. Но я вспоминаю своего распаренного соотечественника, выдирающегося из толпы с судорожно зажатым в руке куском сыра неопределенной формы и неопознанного сорта. Я сравниваю его безумно счастливое лицо с безразличной физиономией голландского сыроеда... Нет, нидерландцы лишены наших радостей, и надолго. Пожалуй, навсегда.

В: А сколько же сыра там дают в одни руки?

О: По-моему, мало. Граммов сто пятьдесят, от силы двести, да еще тонко нарезанного.

В: Я слышал, что Голландия — удивительно чистая страна, что хозяйки каждое утро моют с мылом фасады своих домов плюс прилегающий кусок улицы. Это соответствует истине?

О: Я видел, как владелец магазинчика заново покрывал стерильно белую дверь своего заведения слоем столь же стерильно белой краски. Мне показалось это разгильдяйским расточительством. Наши ремконторы запланировали бы обновление подобной двери год этак на две тысячи десятый, не раньше. А потом перенесли бы срок еще на два года.

А насчет хозяйшечек... Я специально рано утром выходил на их поис-

ки. Да, ко многим фасадам прислоняют длиннющие лестницы, и спортивные молодые люди швабрами протирают окна. Правда, особо глазеть на них не рекомендуется: лучше, гуляя, внимательно смотреть под ноги, иначе рискуешь вляпаться в — как бы поделikatнее выразиться? — человеческие экскременты. Фекалии, иными словами.

В: Ну уж... В европейской передовой стране? Ваше наблюдение — не рецидив ли времен старой доброй «холодной» войны?

О: Да нет, это правда. Говорят, что запрет испражняться на улицах якобы ущемит права человека. Безусловно, отбросы эти принадлежат отбросам общества: наркоманам, бродягам, уличным нищим — неизбежной пене на берегах такого портового города, как Амстердам. Но важно, что к восьми часам утра город блещет чистотой.

В: Простите за некомпетентность, но у них столица все-таки Амстердам? Или все-таки Гаага?

О: Этого, по-моему, и сами голландцы до конца не понимают. Вроде бы столица — Амстердам, а парламент, резиденция королевы, посольства — все это в Гааге... Надо бы им с этим разобраться. Так же, как и с названием страны. То ли Голландия, то ли Нидерланды... Странно все это. И подозрительно.

В: Ну, а как выглядит Амстердам? Красивый город?

О: Необыкновенно. Плюс к этому буйная праздничность, веселье. У нас такого не бывает и Первого мая (я говорю о дневных часах, пока еще народ не наклюкался).

Трещат яркие флаги расцветивания, пробуют верхнее «ля» уличные певцы, бренчат передвижные вагончики-шарманки с куклами, по бесчисленным каналам фланируют прогулочные катера, прохаживается пестрый люд в самых невообразимых одеяниях. Зеленоволосые панки показывают фокусы, в подворотнях балдеют неагрессивные наркоманы, подвывают, приплясывая, белозубые индонезийцы. Шныряют велосипедисты...

В: Водку продают?

О: Запросто... Я-то налегал на пиво.

В: Хорошее пиво-то? Впрочем, простите, я уже спрашивал. Да, так что вы сказали: велосипедисты?

О: Их очень много, это заметная часть голландской нации, пользующаяся особыми привилегиями. Они вчистую игнорируют правила уличного движения, заставляя автоводителя нервно крутить баранку и до упора топить педаль тормоза. Не приведи господь шофера сбить велосипедиста, это считается преступлением № 1, не сравнимым, например, с пьянством за рулем.

Интересно, что все амстердамские велосипеды — старые и обшарпанные донельзя. Это не результат дефицита, а, очевидно, дань ретромоде. Как же выдерживает это поветрие хозрасчет велозаводчиков? Не знаю. Возможно, они приноровились выпускать с конвейера сразу облезлые, ободранные машины. Иначе им просто не выжить.

В: А как голландцы относятся к нам?

О: Кстати, на щитке цепной передачи одного велосипеда я прочел надпись: «Я люблю велосипед». Крупными буквами, по-русски. Представляете себе — где-то в далеком Амстердаме, на площади Рембрандта... Но это поражает только вначале. Во-первых, вспомним сотни футболок, пуловеров, сумок москвичей с заграничными текстами. А чем голландцы хуже? Во-вторых, русский бум, особенный интерес к нашей стране. Две личности, вызывающие у голландцев неизменную симпатию и уважение, — Петр Первый и Горбачев. Петра помнят, «Горби» изучают. В витрине одежной магазина — огромный портрет Михаила Сергеевича, обвешанный всевозможными текстильными изделиями с надписями по-русски: «Перестройка», «Революция», «Гласность». Темная простая куртка украшена большими белыми буквами: «Рабочие брюки».

В: Почему — «брюки»?

О: Непонятно. Видимо, фабриканту достался переводчик-халтурщик. Еще пример русского бума: создан новый сорт сыра, который за просто называли «Горбачев».

В: Пробовали?

О: Не привелось. Да и не привык я к такому фамильярному контакту со своим Президентом.

Но дело не в этом. Хочу подчеркнуть: к нашей стране относятся с особым вниманием и доброжелательностью. В самом престижном месте развернули выставку «Крокодила» — «Гласность и перестройка в карикатуре». Это грандиозный собор в центре города, так называемая «Новая церковь». Она действительно выглядит новой, хотя, по утверждению старожилов, в течение пяти веков неоднократно испытывалась на прочность пожарами.

Наша делегация из четырех крокодилыцев была приглашена на открытие выставки. Приглашена, понятно? А вы меня упрекаете в валютных тратах.

В: Ну, не ехидничайте. Расскажите, как прошло открытие выставки.

О: С большим успехом. Был, правда, один незапланированный случай. Накануне открытия выставки мы пришли в собор, где намечалась встреча с прессой. Экспозиция была уже почти готова, когда по неосторожности одного из рабочих большой стенд с карикатурами грохнулся на каменный пол. В соборе, славящемся исключительной акустикой, неожиданный звон и тарарам произвели потрясающий эффект. Мы бросились спасать рисунки, стряхивать с них битое стекло. Рабочий удрученно подметал осколки... Впрочем, назавтра все уже было в порядке.

Корреспондентам, свидетелям катастрофы, я предложил сенсационный заголовок для их репортажа: «Как рухнула советская перестройка в Амстердаме». Они посмеялись, но советом не воспользовались. Голландцы, мне кажется, ценят юмор. Вообще же это народ приветливый, спокойный, доброжелательный. Типичный средний голландец, по моим впечатлениям, — такой белокурый верзила 190 см ростом, с короткими

встрепанными волосами, в голубом джинсовом костюме, добродушно улыбающийся. Ему 22 года.

В: А как у среднего голландца с этим... ну, с моральными устоями? Вы понимаете, о чем я...

О: Тут все в порядке. В Амстердаме всего несколько «розовых кварталов», где сосредоточены проблемы секса. Тут и секс-музеи, и секс-магазины, и секс-шоу и просто распродажа любви. В огромных окнах-витринах, в розовом зазывном полумраке, пышно раздетые, стоят, сидят, полулежат особы наилегчайшего поведения. Предлагаются девицы любого возраста, любого цвета кожи. Очередей нет. Цена женщин вполне доступна — от пятидесяти гульденов. Вероятно, есть возможность поторговаться. Рынок ведь.

В: Гульден — это как будет на наши деньги?

О: Гульден — бутылка пива. Тысяча гульденов — месячное пособие безработного.

В: И тем не менее очередей, вы говорите, к девушкам нет?

О: Да, местных жителей они, видно, не очень привлекают. Весь расчет на туристов. Не на советских, вестимо. Мне эта выставка-продажа напомнила зоопарк, и о своем впечатлении я сказал корреспондентке нидерландского журнала. Она возразила: «При чем тут зоопарк? В зоопарке клетки на запорах, а эти женщины свободны». Вот так она меня умыла, и я почувствовал себя замшелым консерватором.

В: А по стране вы ездили?

О: Да, немного. Страна ровная, как лист полированной фанеры, без кочек. Вся земля поделена арыками на зеленые прямоугольники. В каждом отсеке пасется нужное количество скотины, жующее нужное количество травы в нужный отрезок времени. И журавли среди коров и овец вышагивают.

В: А это еще зачем? Ради экзотики?

О: А куда им, журавлям, податься? Чащоб нет, нет наших великолепно гнивающих водохранилищ. Удалой русской душе муторно тут. Шалаша с подсадной уткой тут не поставишь. Выстрелишь в утку — попадешь в полицейского. Хотя полиции до безобразия мало.

В: А вы лично могли бы жить в Голландии?

О: Страна чудесная, о такой можно только мечтать. А прожить я бы смог недели две, не больше. Уж очень привык бороться с трудностями.

Интервьюировал сам себя автор.

В ДУХЕ АГАТЫ КРИСТИ

Нынешней осенью произошла жуткая история. Там, за границей. А точнее — вблизи одного из промышленных центров Великобритании.

Серебристый приземистый «форд» несся по широкой магистрали в сплошном потоке машин. Внезапно из третьего ряда он круто зарулил влево и, создав серьезную аварийную обстановку, беспомощно ткнулся в зеленый бордюр.

Во множестве завизжали тормоза. Джентльмены, высовываясь из своих автомобилей, возмущенно реагировали и не всегда при этом достойно выражались. Подлетел моторизованный регулировщик и, заглянув в остановившийся «форд», остолбенел.

Там, внутри, находились четверо, и все четверо были абсолютно мертвы. У каждого из трех пассажиров в груди торчало по громадному мексиканскому кинжалу с инкрустацией. У водителя же шея была туго стянута тонким шнуром, а запястья скованы наручниками.

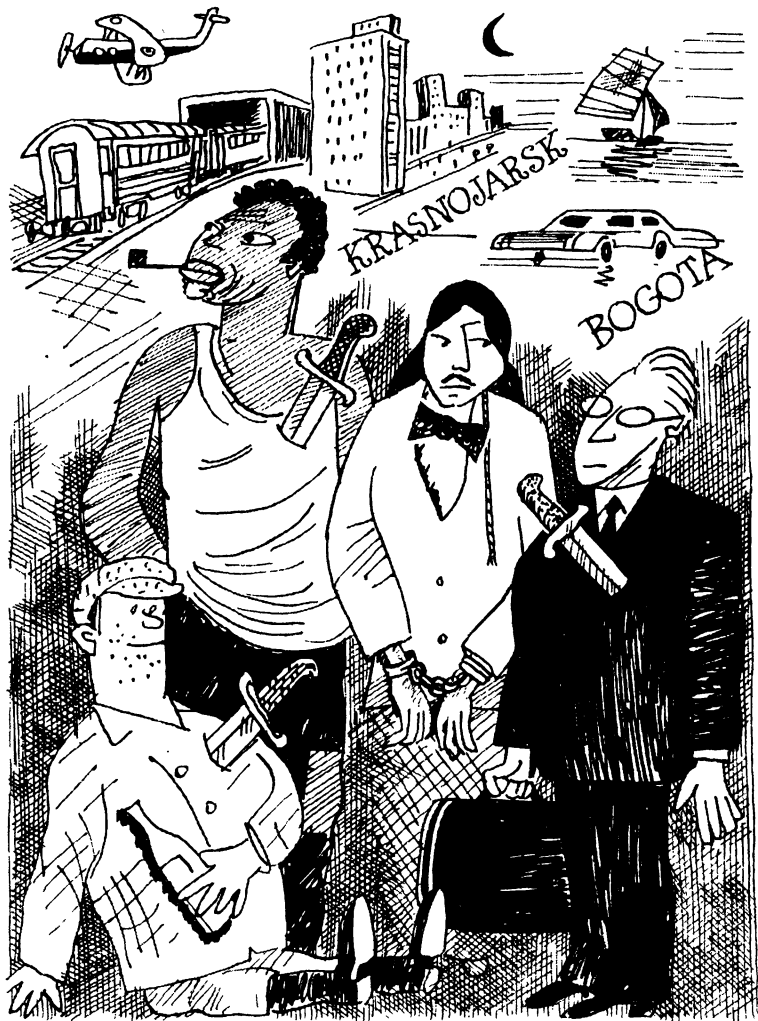
Скоро на обочину спикировал полицейский вертолет. Вместе с комиссаром Дакоттой прилетел его молодой белобрысый помощник Вайзеншварц и кучка рядовых сыщиков, фамилии которых знать необязательно. Была и собака, хмурая и высокомерная.

Осмотрев и обнюхав место происшествия, все крепко задумались. Лишь комиссар, посвистывая, шурился на нежаркое солнышко и, казалось, совсем не интересовался подробностями дела. Внезапно он круто обернулся к Вайзеншварцу:

- Ну, выкладывайте вашу версию.
- Шофер зарезал своих пассажиров и покончил с собой.
- Но прежде надев на себя наручники?
- Нет, видимо, это сделал кто-то посторонний...
- И на ходу выскочил из машины? Где же он? И зачем надевать наручники на убитого?
- Их надели еще на живого.
- И после этого он вел машину и удавился?
- Тогда я не знаю.
- Вся эта едущая публика, — комиссар широким жестом показал на поток машин, — имеет право не знать. Вы, Вайзеншварц, такого права не имеете. Даю вам два дня.

...Через два дня Вайзеншварц принес Дакотте сведения о всех погибших. Один из пассажиров был жителем крохотного острова в Индийском океане. Как сообщили его кучерявые соседи, за два дня до трагедии он отправился рыбачить на своей парусной лодчонке, и больше его никто не видел. Вдова и четырнадцать ребятишек рыбака ничего добавить не смогли.

Второй был состоятельным американским бизнесменом. Накануне

смерти он вылетел на личном самолете в австралийский филиал своей фирмы, но там его не дождались.

Третий работал сцепщиком вагонов в Красноярском вагонном депо (СССР). Четыре последних дня он не появлялся на работе, но это никого не встревожило, так как он выдавал замуж младшую сестру и его прогул можно было считать если не вполне законным, то по-человечески понятным.

А водитель оказался торговцем наркотиками из Боготы, причем никакого отношения к «Форду» он не имел. Машина принадлежала канадскому проповеднику, который вот уже две недели лежал в больнице (язва двенадцатиперстной кишки).

Вслушав доклад помощника, комиссар спросил:

— Ну и как вы объясняете все это?

— Не знаю, что и сказать, сэр. Загадка на загадке. Почему все эти люди молниеносно бросили свои дела и собрались вместе? Куда они ехали? И что привело к этой ужасной развязке?

— Вайзеншварц, вам не кажется, что задавать вопросы гораздо легче, чем отвечать на них?

Вайзеншварц молчал, помаргивая.

— А ведь стоит вам допросить виновника происшествия...

— Да, сэр. Конечно, сэр. Но кто он?

— А вот в этом, Вайзеншварц, и заключается ваш промах. Не я ли учил вас: «Ищите того, кому преступление было выгодно»?

— Я пытался, но не нашел.

— Поэтому вам никогда не быть комиссаром.

— Но ведь и вы, сэр...

— Я нашел, — спокойно возразил Дакотта. — Вся эта история выгодна единственному человеку — автору рассказа. Соедините меня с ним, немедленно.

Вот так комиссар добрался до меня, и я честно признался:

— Господин Дакотта, я давно мечтал написать леденящий душу детектив в духе Агаты Кристи.

— Но почему вы не привели рассказ к логическому концу?

— Я хотел, да не получилось. Уж слишком невероятная, запутанная история. Думаю, и у Агаты тоже бы ничего не вышло. А вы как считаете?

Коммисар неопределенно хмыкнул. Телефонная станция дала отбой.

СОДЕРЖАНИЕ

ГИРЯ	2
ПОИСК	10
ТОЛЬКО ШЕВЕЛЬНУТЬ ПАЛЬЦЕМ	23
НИДЕРЛАНДСКОЕ ИНТЕРВЬЮ	40
В ДУХЕ АГАТЫ КРИСТИ	45

СПАССКИЙ Святослав Сергеевич

В ДУХЕ АГАТЫ КРИСТИ.

Редактор В. Г. Победоносцев

Техн. редактор Л. И. Курлыкова

Сдано в набор 24.10.90. Подписано к печати 11.12.90.

Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.

Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.

Усл. кр.-отг. 2,45. Уч.-изд. л. 1,79. Тираж 120.000.

Заказ № 3021. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и Ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС
«Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

© Издательство ЦК КПСС «Правда». Библиотека Крокодила, 1991

20 коп.

Индекс 72996

ISSN 0132-2141. Б-ка Крокодила. 1991. № 2. 1—48.

№ 2

Святослав СПАСКИЙ

В ДУХЕ АГАТЫ КРИСТИ

Шарж В. МОЧАЛОВА.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым,
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Десять лет иль три часа осталось?
Словно летом душное окно,
Распахнув себя, встречаю старость.
Так.

Иного просто не дано.

1841—1921—1991.

На этой страничке автор хотел поведать читателю о своих творческих достижениях, а именно: сколько им написано книжек, сколько нарисовано карикатур, в каких выставках он участвовал и где получал премии...

А потом подумал: да кому все это нужно?